

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2018 – 2 (308)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2018**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2018. – № 2 (308). – 112 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Ефременко Д.В.</i> Олигархомахия в постсоветской России: Ретроспективный взгляд.....	5
2018.02.001. <i>Шевченко О.М., Тихоновскова М.П.</i> Угрозы и риски духовной безопасности современной России	16

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2018.02.002. <i>Старостин А.Н., Ярков А.П.</i> Мусульмане в Приамурье: Эскиз к историческому портрету.....	21
2018.02.003. <i>Рабаданов И.Р.</i> Геополитика на Каспии	30
2018.02.004. <i>Савин И.С.</i> Факторы формирования образа России как угрозы / гаранта безопасности Казахстана	34
2018.02.005. <i>Гарбузарова Е.Г.</i> Геополитическое влияние нерегиональных акторов на религиозную безопасность Киргизстана	39
<i>Тоцкойнова Н.М.</i> Сотрудничество государств Центрально-Азиатского региона по противодействию терроризму.....	44
<i>Ниязи А.</i> Мир, СНГ и Центральная Азия в измерениях индекса голода.....	55

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Манискалко Дж.</i> Турция как один из основных акторов большой Евразии – альтернатива курсу на евроинтеграцию. (Обзор)	65

2018.02.006. <i>Дударев К.П.</i> Ветры перемен над Саудовской Аравией.....	76
<i>Хадж М.К.</i> Исторические аспекты реализации внешнеполитической стратегии США на ближневосточном направлении.....	80
2018.02.007. <i>Гаджимурадова Г.И.</i> Европейские мусульмане и мусульмане в Европе: Рядом или вместе?.....	89

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Исламов Ш.</i> Религиозная пропаганда террористической организации «ИГИЛ»	93
<i>Равшанов М.</i> Концепт «ислам»: Определение значения знания и разума	99
<i>Мухамедова С.Ф.</i> Роль Мусы Саиджанова в развитии экономической и финансовой жизни Бухарской Народной Советской Республики.....	105

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Ефременко Д.В.

доктор политических наук,
заместитель директора Института
научной информации по общественным наукам РАН
**ОЛИГАРХОМАХИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД**

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и последствия борьбы с так называемыми олигархами в период первого президентского срока В.В. Путина. Показана взаимосвязь антиолигархической кампании с процессами укрепления «вертикали власти» и формирования специфической российской модели неопатримониального капитализма.

Ключевые слова: финансовая олигархия; неопатримониальный капитализм; Россия; «дело ЮКОСа»; экономические реформы; приватизация; структура собственности.

В истории России последних двух десятилетий было пройдено несколько значимых развилок, причем способ их прохождения и вектор дальнейшего движения существенным образом повлияли на трансформацию политического режима и роль нашей страны в системе международных отношений. В числе этих развилок – борьба с попытками политического доминирования нескольких олигархических групп, развернувшаяся в период первого президентского срока Владимира Путина (2000–2004).

Термин «олигархия» в российском историческом контексте прочно ассоциируется с 1990-ми годами. Но истоки этого феномена восходят к горбачёвской перестройке, когда на арену общественной жизни вышла новая социальная группа предпринимателей, почти не имевших опыта организации производства и создания бизнеса в условиях открытой рыночной конкуренции. Их магистральный путь был иным: они сумели добиться успеха не вопреки,

а благодаря распаду советской хозяйственной системы, причем их основной способ ведения бизнеса состоял в умении «решать вопросы» на разных уровнях – от локальных криминальных структур до федерального правительства. Но именно благодаря такого рода сетевым взаимодействиям можно было обеспечить воспроизводство в качественно новых условиях связки «власть–собственность», освободив ее от политико-идеологических ограничений советской эпохи.

В 1990-е годы в России возникла специфическая версия неопатримониального капитализма. Еще Макс Вебер характеризовал отношения власти и собственности в России XVI–XIX вв. как особую вариацию патримониализма – царский патримониализм [Weber 1976: 621–623]. Во второй половине XX в. Ричард Пайпс внес значительный вклад в разработку представлений о патримониализме в России, рассматривая отсутствие либо нечеткость разграничительной линии между собственностью и политическим суверенитетом как фактор, определяющий особенности русской истории в дореволюционный период [Пайпс 1993]. Шмуэль Эйзенштадт, адаптируя концепцию Вебера к проблематике модернизации, использовал термин *неопатримониализм* [Eisenstadt 1973]. Неопатримониализм можно рассматривать как комбинацию двух типов политического господства – рационально-бюрократического и патримониального. Функционирование власти в условиях неопатримониализма лишь внешне подчиняется формально-правовым нормам, тогда как реальная практика является неформальной и обусловленной личностными отношениями, или, иначе говоря, строится «по понятиям». При этом неопатримониализму соответствуют авторитарная организация социально-политических отношений и рентоориентированная модель экономического поведения [см.: Erdmann, Engel 2006]. В специфических обстоятельствах России середины 1990-х годов основные агенты политических трансформаций все более охотно делали ставку на неформальные институты вплоть до фактической передачи на «аутсорсинг» экономическим группам интересов ряда функций государственного управления. Такой порядок дел компенсировал слабость государства и одновременно создавал дополнительные страховочные механизмы для тех акторов, которые испытывали неуверенность в своем политическом долголетии при опоре лишь на формальные институты. Апогеем здесь можно считать президентские выборы 1996 г., период «семибанкирщины», проведение залоговых аукционов и, наконец, дефолт 17 августа 1998 г.

Судя по всему, экономические реформы 1990-х годов либо изначально не были ориентированы на преодоление патримониального уклада, либо при первом же столкновении планов реформаторов с российской реальностью произошла негласная подмена цели преобразований. Здесь нет необходимости обстоятельно говорить о фактах явной коррупции или специфических жизненных траекториях отдельных членов гайдаровской команды, для которых нахождение в составе правительства оказалось транзитным пунктом на пути из академических НИИ в российский список «Форбс». Очевидно, во всяком случае, что осознав неизбежность возрождения в новых условиях модели «власть—собственность», реформаторы 1990-х постарались воспроизвести ее под себя и свою клиентелу. В этом смысле реформы можно рассматривать как своеобразную социальную инженерию.

В России середины 1990-х годов власть сформировала новый слой крупных собственников, который, пользуясь слабостью государства, заявил претензии на установление контроля над породившей его властью. Следствием подмены формальных институтов неформальными могла стать приватизация политической власти экономическими группами интересов, после дефолта 1998 г. сосредоточившими под своим контролем около 1/3 российского ВВП [см.: Rutland 2008]. Однако сама суть политического кризиса, начавшегося 17 августа 1998 г. с объявления технического дефолта и завершившегося с передачей президентской власти от Бориса Ельцина Владимиру Путину 31 декабря 1999 г., состояла в том, чтобы воссоздать более приемлемую для большинства политико-экономических акторов и массовых групп населения патримониальную модель, в которой определяющая роль принадлежит государственной власти.

Даже для значительной части влиятельных групп экономических интересов, каждая из которых представляла собой мощную сетевую структуру, потребность в функции арбитража со стороны государства была очевидной. Но еще более важно, что государство как верховный арбитр должно было обеспечить сохранение новой структуры крупной собственности, не обладавшей достаточной легитимностью в глазах основной части российского населения. Для большинства граждан России приватизация стала неотъемлемой частью индивидуального и коллективного травматического опыта, символом вопиющей социальной несправедливости и чудовищной коррупции. Неудивительно, что около 1/3 респондентов даже в начале 2000-х годов высказывались в пользу ренационали-

зации крупных компаний, а за «устойчивым и широко распространенным отрицательным отношением к последствиям приватизации обнаруживалось раздраженное и мстительное ожидание “социального реванша”, парадоксальным образом сочетающееся с практически полным отсутствием надежд на восстановление “социальной справедливости”» [Зоркая 2005: 94]. Недостаточная легитимность структуры крупной собственности по сей день остается бомбой замедленного действия, которая может взорваться в момент дестабилизации социальной системы, обусловленной сочетанием внешнего и внутреннего давления.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, обобщая опыт российской приватизации, писал:

«Если приватизация проводится способами, которые многие считают незаконными, и при отсутствии институциональной инфраструктуры, то фактически могут быть подорваны более долговременные перспективы рыночной экономики. Но еще хуже то, что нарождающиеся частнособственнические интересы приводят к ослаблению государства и разрушают общественный порядок посредством коррупции и присвоения имущества представителями властных органов» [Стиглиц 1999: 14].

На рубеже XX–XXI вв. запрос на «возвращение государства» был массовым, причем во многом он был связан с тем, что дальнейшая экспансия неформальных институтов и отношений из механизма редукции неопределенности могла трансформироваться в источник генерации новых социальных рисков. И напротив, сверхвостребованной оказалась способность стоящего во главе иерархии власти политического лидера управлять неопределенностью и рисками, даже если это управление осуществляется на основе комбинированного использования формальных и неформальных институтов. В этом смысле стремление к «возврату государства» означало, что в одной точке начинают сходиться массовые ожидания, интересы значительной части политических акторов и опасения мощных групп влияния. По сути дела это был запрос на системную стабилизацию, на установление в целом понятных и приемлемых «правил игры», причем в компромиссном варианте, исключающем как передел собственности, так и «приватизацию» государства отдельными сетевыми структурами. Решение этой задачи стало одним из важнейших направлений политики Владимира Путина в период его первого президентства. Именно в этом контексте следует рассматривать и борьбу Путина с такими

знаковыми фигурами, как Б. Березовский, В. Гусинский и М. Ходорковский.

Провозглашение Путиным курса на «равноудаление» олигархов означало, что в связке «власть–собственность» доминирующей остается именно власть. Причем решительные действия Владимира Путина по ограничению влияния крупного бизнеса и его отдельных представителей на структуры власти поначалу осуществлялись с привлечением меньшего объема политических ресурсов, чем можно было предполагать в момент его вступления в должность президента России. Первыми из «равноудаленных» оказались Владимир Гусинский, сделавший ошибочную ставку на успех тандема Примаков – Лужков на думских выборах 1999 г., и Борис Березовский, слишком активно намекавший на свой якобы решающий вклад в возвышение Путина и успешную раскрутку «Единства». Оба олигарха казались живыми символами ушедшей эпохи, и их изгнание за пределы России должно было убедительно продемонстрировать наступление совсем других времен. Основным итогом первого раунда борьбы с олигархами стало возвращение под контроль Кремля ключевых медиаактивов, которые и Березовский, и Гусинский использовали в качестве мощнейшего инструмента укрепления своего влияния и экспансии подконтрольных им бизнес-империй.

Хотя вынужденное изменение редакционной политики телеканала НТВ и других СМИ, ранее входивших в медиахолдинг Владимира Гусинского, вызвало серьезные опасения за судьбу свободы слова и свободы печати в России, сам выход нового лидера страны из-под опеки олигархических группировок в полной мере отвечал общественному запросу. Никаких намерений осуществить комплексный пересмотр итогов приватизации власть не демонстрировала; более того, в случае принятия бизнесом новых правил игры она становилась основным гарантом сохранения той структуры собственности, которая сложилась к концу 1990-х годов. После отъезда из России Бориса Березовского этот негласный пакт был принят почти всеми бизнес-структурами. Исключением оказался ЮКОС Михаила Ходорковского.

Вызов со стороны Ходорковского носил системный характер и потому рассматривался Владимиром Путиным и его окружением как значительно более серьезная угроза, чем претензии Березовского и Гусинского на политическое влияние. Масштаб и направленность вызова на фундаментальные политико-экономические

изменения не отрицают и убежденные сторонники Михаила Ходорковского:

«Усилия акционеров ЮКОСа в начале 2003 г. можно сложить в некоторую общую картину: они атакуют коррупцию, они выводят крупнейшую нефтяную компанию из-под контроля государства, они финансируют оппозицию, они воспитывают новое поколение свободных граждан, они развивают гуманитарную науку – у них, кажется, есть какой-то бизнес-план для России. Еще немного, и Россия выйдет из-под личного контроля президента Путина, станет совсем западной страной. В некотором смысле это действительно заговор, направленный на смену общественного строя. И глупо же думать, что Кремль не замечал такого заговора» [Панюшкин 2006: 21].

По всей видимости, решающим мотивом решения власти о демонтаже бизнес-империи Ходорковского стало то обстоятельство, что вслед за завершением сделки с Романом Абрамовичем о слиянии ЮКОСа и Сибнефти (апрель 2003 г.) начались переговоры о продаже блокирующего пакета акций объединенной компании с ChevronTexaco и ExxonMobil. Успех переговоров означал переход бизнес-империи Ходорковского в высшую лигу транснациональных корпораций, а сам ее хозяин, войдя в ареопаг глобальной предпринимательской элиты, становился для российской власти практически неуязвимым. Утрата политического и юридического контроля со стороны Кремля над важнейшим активом российской нефтедобывающей отрасли могла означать не просто резкое усиление альтернативного центра влияния на экономику и политику, но пересмотр самой формулы неопатримониального капитализма. Успех проекта Ходорковского должен был открыть шлюзы конвертации собственности в политическую власть, а последней – в новую собственность. Предполагать, что вся эта грандиозная сделка задумывалась Ходорковским ради того, чтобы навсегда покончить с патримониальными отношениями, коррупцией и специфическим инструментарием российского бизнеса 1990-х годов, оснований, как минимум, недостаточно.

К осени 2003 г., когда противостояние Кремля и ЮКОСа завершилось арестом Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, обнаружилось, что безупречных правовых инструментов для завершения этой борьбы у власти уже не осталось. О том, насколько мощную юридическую линию обороны выстроил ЮКОС, свидетельствуют и многомиллиардные иски, предъявленные России его акционерами. Очевидная политическая подоплека приговора

Михаилу Ходорковскому и Платону Лебеву делала неизбежным его восприятие российскими гражданами в зависимости от их политических предпочтений. Во многих случаях криминальная составляющая «дела ЮКОСа» оказывалась полностью за пределами рамок, в которых сторонники тех или иных политических позиций были готовы рассматривать противостояние Путина и Ходорковского.

Согласно широко распространенной оценке, «дело ЮКОСа» стало важнейшим событием двух первых сроков президентства Владимира Путина. Во многих отношениях оно в самом деле может рассматриваться как основной водораздел. В частности, последствия ареста Ходорковского, банкротства ЮКОСа и использования виртуальной компании «Байкалфинансгруп» для перераспределения основных юкосовских активов имели большое значение с точки зрения отношений между Россией и Западом. Разумеется, причина возникшей напряженности состояла вовсе не в том, что Кремль отправил в заключение деятеля, якобы предлагавшего российскому народу демократическую альтернативу. Разгромив бизнес-империю Ходорковского, Владимир Путин обозначил границы проникновения транснационального и американского капитала в ключевой сектор российской экономики. Демонстрация того, что основным распорядителем собственности в России остается российская власть, означала также, что во внешних сношениях Москва будет решительно претендовать на равноправное партнерство. К тому же «дело ЮКОСа» совпало с твердым дипломатическим оппонированием Москвы американскому вторжению в Ирак. С этого момента возможность полноценной интеграции России в американоцентричную систему глобального управления, которая достаточно серьезно обсуждалась в первые полтора-два года после террористических атак 11 сентября 2001 г. [см., напр.: Никонов 2002], перестала рассматриваться ведущими мировыми игроками в качестве актуальной опции.

Дело Ходорковского и Лебедева стало серьезной развилкой и для российской либеральной общественности. Еще в 1999 г. избирательный блок Союз правых сил, принявший эстафету представительства либеральной идеологии у Демократического выбора России, предпринял активные и небезуспешные усилия, чтобы присоединиться к будущей путинской коалиции победителей. Одобряя возобновление военных действий в Чечне, лидеры СПС

чаяли увидеть в Путине нового Пиночета¹, который не только подавит сепаратизм, но и сломит внутреннее сопротивление неолиберальному экономическому курсу. В результате СПС преодолел 5%-ный барьер и сформировал собственную фракцию в Государственной думе. Однако наличие в правительстве деятелей либерального толка, готовых после внесения определенных корректив продолжать линию гайдаровских реформ, ни в коей мере не было связано с электоральными достижениями СПС. На выборах 2003 г. для присоединения к коалиции победителей было уже недостаточно селективной поддержки действий власти – требовалось сформулировать свое отношение ко всем значимым аспектам ее политики, включая и кампанию против ЮКОСа. Нужно было отмежеваться от Ходорковского и, пусть с оговорками, поддержать Путина, либо, напротив, сделать низвергнутого олигарха своим знаменем и решительно порвать с существующим режимом. Руководство СПС не решилось ни на то, ни на другое, хотя под давлением оппозиционного информационного мейнстрима и было вынуждено осудить действия власти в отношении высшего менеджмента ЮКОСа.

Образ жертвы своекорыстной власти, мужественное поведение Михаила Ходорковского на суде и в период заключения, незаурядный талант политического аналитика, побуждавший внимательно изучать его тексты «из зоны» и сторонников, и гонителей, способствовали сакрализации этой фигуры носителями либеральных взглядов. Эффект сакрализации оказался весьма противоречивым. Почитание Ходорковского в качестве безупречного борца с режимом допускало несколько интерпретаций прошлого опального олигарха. В одном случае нужно было говорить о прозрении высшего менеджмента ЮКОСа, решившего раз и навсегда отка-

¹ Тень Пиночета прямо-таки преследовала российских реформаторов 1990-х. Их упования на то, что роль чилийского диктатора, обеспечивающего силовым ресурсом успех действий приглашенной команды неолиберальных экспертов, сыграет Борис Ельцин (впоследствии – Владимир Путин), наложили на сами реформы неизгладимый отпечаток. За этими надеждами скрывалось абсолютно обоснованное неверие в возможность провести такие реформы при наличии функционирующих институтов демократии [см.: Кляйн 2009]. В апологетической трактовке Евгения Ясина эта позиция представлена так: «Если хотите, создание демократической России – это та задача, которая была отложена в 92-м году ради радикальных экономических реформ. Но теперь, когда основные реформы уже сделаны и мы имеем рыночную экономику, дальнейшее ее развитие возможно только при демократии» [Ясин 2010].

заться от прежних методов стяжания богатства и пожертвовать своими активами и свободой ради становления в России институтов демократии, правового государства и свободного рынка, основанного на честной конкуренции. В другом случае требовалось представить бизнес Ходорковского как удивительное исключение среди бизнесов других олигархов. Наконец, третья стратегия предполагала апологетику российской финансовой олигархии как таковой, например в качестве одного из эксцессов исторически неизбежного этапа первоначального накопления капитала. Все три стратегии базировались на целом ряде допущений и умолчаний, и, таким образом, оказывались уязвимыми как для сторонников власти, так и для тех, кого даже печальная участь Ходорковского не заставила признать легитимность произведенного в 1990-е годы перераспределения собственности.

После ареста Ходорковского в весьма деликатном положении оказались так называемые системные либералы. Хотя сам термин появился только в конце первого десятилетия XXI в.¹, выход на арену российской политики системных либералов может быть синхронизирован с приходом к власти Владимира Путина. На протяжении почти всех 1990-х годов нелиберальные реформаторы обладали возможностями оказывать решающее или, по крайней мере, значимое воздействие на выбор стратегического направления развития России. При Путине они продолжали пользоваться немалым влиянием, однако это уже было влияние исполнителей или кураторов какой-либо подсистемы в рамках системы, которая контролировалась другими силами. Подчас дело доходило до готовности исполнить предложенную властью роль, за которую взялся бы далеко не каждый идеологически мотивированный государственный служащий. Хрестоматийный пример – участие одного из главных организаторов залоговых аукционов Альфреда Коха

¹ По всей видимости, его авторство принадлежит политологу Лилии Шевцовой. Она предлагает следующее понимание системного либерализма: «Речь идет о либеральной риторике, фразеологии, слоганах и так далее, которые используются властью для маскировки антилиберальной, антидемократической политики. И сюда же давайте включим технократов, которые были в ельцинском правительстве, затем перешли в путинское правительство и продолжают управлять экономикой. Обслуживая единовластие, они, по сути дела, дискредитируют идеи демократии и либерализма. Пока у нас существует явление “системного либерализма”, а также готовность интеллигенции быть кооптированной в околовластные клептократические структуры и обслуживать власть, вряд ли мы сделаем шаг к реальной трансформации» [Опыт и уроки... 2010].

в установлении контроля власти над телекомпанией НТВ, принадлежавшей Владимиру Гусинскому. Для занимавших ригористическую позицию демократов перестроечной волны, подобных Юрию Афанасьеву, такого рода системный либерализм был равнозначен коллаборационизму [Афанасьев 2011]. По мере разворачивания «дела ЮКОСа» обвинения системных либералов в коллаборационизме, исходившие от радикальных противников режима, становились все более решительными. Найти убедительные аргументы, оправдывающие включенность системных либералов в вертикаль власти, становилось все труднее.

Традиционная линия самозащиты системных либералов состояла в том, что присутствие в структурах власти или сотрудничество с ними позволяют минимизировать ущерб от «поворота к авторитаризму», сохранить основные завоевания 1990-х годов, предотвратить тотальное доминирование силовиков в важнейших секторах экономики и ликвидацию автономии гражданского общества. Наряду с этим сохранялась и апелляция к пиночетовской модели, позволяющей под защитой служб безопасности и военных осуществить социально-экономические преобразования, мандат на которые либеральные силы были не в состоянии получить через свободные выборы. Наконец, время от времени воспроизводился тезис о том, что существование системных либералов будет способствовать смягчению, а в дальнейшем – внутреннему перерождению режима. «Дело ЮКОСа», а также отставка Михаила Касьянова с поста главы правительства в феврале 2004 г. давали достаточно оснований говорить о перерождении самих либералов, продолжающих оставаться во властных структурах. По сути дела, в начале второго президентского срока Владимира Путина пакт между элитами был заново отредактирован, и в соответствии с новой редакцией системным либералам не просто передавались на «аутсорсинг» важные сферы экономической, социальной, научно-образовательной политики, но требовалась их необратимая вовлеченность в систему властных отношений. Вместе с тем, перестав занимать ключевые позиции в системе властных отношений, системные либералы все же не превратились в ширму, прикрывающую консолидацию авторитарного режима. Они, скорее, выполняют внутри «вертикали власти» роль своеобразных балансиров или предохранителей, позволяющих избежать чрезмерного усиления других групп влияния либо удерживать их противоборство в приемлемых рамках.

В 2018 г. исполняется 15 лет кульминационным событиям путинской олигархوماхии. Нет сомнений, что без этой борьбы траектория развития России была бы существенно иной. Исход борьбы, прежде всего, означал, что серьезная угроза восстановлению «вертикали власти» устранена, а сама власть остается на доминирующих позициях в системной связке «власть–собственность». В некотором смысле это можно считать возвращением в российскую историческую колею, к той системе отношений, которую в свое время безапелляционно сформулировал Павел I: «Il n’y a de grand chez moi que celui a qui je parle et pendant que je lui parle» (нет [в России] важного человека, кроме того, с кем я говорю и пока я с ним говорю). Так или иначе, но в начале XXI в. владение или распоряжение действительно крупной собственностью в России возможно только с фактической санкции политической власти и лишь до тех пор, пока эта санкция сохраняется. Возможности конвертации собственности в политическое влияние если не пресечены полностью, то достаточно надежно ограничены. Можно сказать, что эти ограничения были установлены весьма своевременно: первая из так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве – грузинская «революция роз» – разразилась менее месяца спустя после ареста Михаила Ходорковского. Между тем одним из важнейших механизмов раскручивания политических кризисов, называемых «цветными революциями», является готовность тех или иных групп экономической элиты внутри соответствующей страны оказывать мощную ресурсную поддержку силам, нацеленным на захват власти. В отсутствие этого важнейшего фактора внешнее воздействие, направленное на дестабилизацию или смену режима, как правило, оказывается неэффективным. Поэтому «деолигархизацию» можно считать необходимым рубежом в процессе возрождения российского суверенитета и восстановления статуса России как важнейшего международного игрока.

Литература

1. *Афанасьев Ю.* Возможна ли сегодня в России либеральная миссия? // *Континент.* 2011. № 148.
2. *Кляйн Н.* Доктрина шока: Расцвет капитализма катастроф. М.: *Добрая книга,* 2009.

3. *Никонов В.* Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. № 1.
4. Опыт и уроки 1990-х. – Стенограмма круглого стола в Фонде «Либеральная миссия». 20.12.2010. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2011/02/24/1208592426/Опыт_i_uroki_1990h_20122010.pdf (Последнее посещение – 02.04.2018.)
5. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993.
6. *Панюшкин В.* Узник тишины: История про то, как человеку в России стать свободным и что ему за это будет. М.: Секрет фирмы, 2006.
7. *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? К десятилетию начала переходных процессов // Вопросы экономики. 1999. № 7.
8. *Ясин Е.* Демократия – цель или средство? // Эхо Москвы. – 17 декабря 2010 г. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/yasin/734938-echo/> (Последнее посещение – 02.04.2018.)
9. *Eisenstadt S.N.* Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. London – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1973.
10. *Erdmann G., Engel U.* Patrimonialism revisited – beyond a catch-all concept // Hamburg: German institute of global and area studies working papers, N. 16. – February 2006. – Режим доступа: http://repec.giga-hamburg.de/pdf/giga_06_wp16_erdmann-engel.pdf (Последнее посещение – 02.04.2018.)
11. *Rutland P.* Putin’s economic record: Is the oil boom sustainable? // Europe–Asia Studies. 2008. Vol. 60. N 6.
12. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. Tübingen: Mohr, 1976.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

2018.02.001. Шевченко О.М., Тихоновскова М.П.
УГРОЗЫ И РИСКИ ДУХОВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ //
Гуманитарий Юга России, Ростов-на-Дону,
2018, т. 7, № 1, с. 161–169.

Ключевые слова: духовная безопасность; национальная безопасность; глобализация; национально-культурная идентичность; массовая культура; духовная конкуренция; социокультурный раскол.

Шевченко О.М.,
 доктор философских наук, доцент,
 Институт социологии и регионоведения
 (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
Тихоновскова М.П.,
 магистрант, Институт социологии
 и регионоведения
 (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается проблема выявления угроз духовной безопасности России и поиска путей их преодоления в условиях глубокого социокультурного раскола российского общества.

В вводной части статьи авторы акцентируют внимание на определении понятия «духовная безопасность», которая является неотъемлемым элементом системы национальной безопасности общества. Долгое время духовная безопасность не рассматривалась в качестве значимого фактора национальной безопасности, поскольку на первый план выходили военные, экономические, политические, информационные, экологические и иные проблемы. Однако в последние годы, когда стали очевидными негативные последствия кризиса духовности и культуры, охватившие современное российское общество, духовная безопасность начинает рассматриваться в качестве ведущего фактора сохранения национального суверенитета и культурной идентичности России.

Несмотря на то что понятие «духовная безопасность» еще находится в процессе концептуализации, его введение в российский научный дискурс обусловлено потребностью в возрождении и трансляции духовных ценностей, которые способны стать основой для консолидации российского общества в условиях глубокого социокультурного раскола страны.

Существует несколько подходов в понимании духовной безопасности общества. В настоящее время в научном дискурсе сложился комплексный подход в понимании духовной безопасности, который позволяет рассматривать ее в единстве трех аспектов:

- как способность личности, общества и государства сохранять и развивать позитивную созидательную духовность;
- как состояние защищенности жизненно важных интересов и потребностей личности, общества и государства;
- как систему отношений между субъектами общественной жизни, обеспечивающую благоприятные условия для духовной жизни и духовного развития.

Однако духовная безопасность выступает не просто элементом системы национальной безопасности, но и сама по себе представляет достаточно сложную систему, охватывающую различные сферы жизнедеятельности общества: культурную, религиозную, идеологическую и т.п. Кроме того, в систему духовной безопасности попадают и условно смежные с духовной сферой области: политическая, экономическая, социальная, сфера межэтнического взаимодействия. Это дает основание рассматривать духовную безопасность как многогранное социальное явление, обеспечивающее

нормальное функционирование всех общественных институтов государства.

Специфику внешних угроз духовной сфере российского общества ученые в первую очередь связывают с негативным воздействием глобальной культуры на традиционные российские духовные ценности. Причем стержнем глобальной культуры являются западные нормы и принципы, которые считаются принципиально чуждыми российской ментальности и обладают деструктивным потенциалом в отношении как личности, так и общества в целом. В этой стратегии все «незападное», своеобразное, другое должно исчезнуть или занять скромную нишу в установленной системе западных ценностей. Одним из векторов глобализационных процессов является культурная глобализация, стратегией которой выступает культурная экспансия.

Угрозу духовной безопасности современной России представляет массовая культура, которая ориентирована на подражание наиболее примитивным образцам западной поп-культуры. Отсутствие воспитательного противодействия разлагающему влиянию СМИ усугубляет нравственные проблемы общества на всех уровнях, и в такой ситуации вопрос сохранения национальной духовной культуры – это вопрос сохранения духовного и политического суверенитета страны. Подмена национальной духовной культуры культурой другого народа или космополитичной массовой культурой ведет к уничтожению государства как в нравственном, так и в политическом аспекте.

В последнее время в мире идет процесс ужесточения духовной конкуренции, которая используется для воздействия на ментальность соперника с целью его духовной дезориентации, при которой становится возможным оказывать влияние на сознание социума с целью дальнейшего овладения уже его природными и экономическими ресурсами. Сегодня основным средством достижения геостратегических целей является информационно-психологическая, культурная, конфессиональная, идеологическая и научно-техническая борьба между геополитическими конкурентами.

Существуют также угрозы внутреннего характера, которые связаны с деструктивными последствиями постсоветских трансформаций для духовной сферы российского социума, в результате чего произошло изменение системы ценностных ориентаций и мотивов поведения людей, приведших к переоценке базовых ценностей. Среди основных внутренних угроз авторы статьи акценти-

руют внимание на социокультурном расколе, возникшем в результате травматических институциональных изменений в обществе. На сегодняшний день социокультурный раскол российского общества (цивилизационный – на Запад и Восток, территориальный – на центр и периферию, социокультурный – на элиту и простонародье и др.) только усугубляется. Более того, он проявляется в нарушении нормальных эмоциональных связей между людьми, нарастании взаимной отчужденности в обществе. Отечественные социологи отмечают наличие в российском обществе устойчивой тенденции к атомизации, которая подрывает чувство принадлежности граждан к общей культуре, истории, судьбе.

Причем социокультурный раскол общества проявляется не только в утрате общих духовно-нравственных ориентиров, культурных смыслов, единой национально-культурной идентичности народов России, но и в политико-правовой, экономической, социальной сферах общественной жизни страны. Сформировавшееся недоверие людей к институтам власти подтверждает данный тезис.

Анализируя внутренние угрозы духовной безопасности современной России авторы, основываясь на исследованиях социологов, выделяют наиболее характерные факторы: кризис институциональной системы общества; демографический кризис и девальвация традиционных семейных ценностей; кризис межпоколенческих отношений; несформированность общероссийской национально-культурной идентичности; криминализация общества; рост социального пессимизма; отсутствие культуры доверия в обществе. Исследователи полагают, что причиной распространения в обществе недоверия является потребность личности в обеспечении зоны своей безопасности.

В заключение статьи авторы отмечают, что духовное состояние современного российского общества следует рассматривать как рискогенное в силу присутствия таких факторов, как взаимное отчуждение населения и государства, атомизация общества, разочарование граждан в деятельности политических институтов страны, колоссальное социальное неравенство, духовно-нравственная деградация, засилье массовой культуры. Необходимо определение четких критериев оценок идей и явлений, умение дифференцировать их по принципу конструктивные / деструктивные, созидательные / разрушительные.

Сегодня стране необходима адекватная государственная культурная политика, национальным приоритетом которой станут качество жизни людей, их духовно-нравственное состояние,

развитие гражданской культуры, преодоление межэтнической отчужденности, формирование единого культурного пространства страны. Деятельность по возрождению и развитию духовного потенциала нации не может быть эффективной без привлечения к данному процессу институтов гражданского общества, прежде всего семьи, системы образования, а также СМИ, светских и религиозных организаций.

Автор реферата В.Н. Сченснович

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**2018.02.002. Старостин А.Н., Ярков А.П.
МУСУЛЬМАНЕ В ПРИАМУРЬЕ:
ЭСКИЗ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ //**
*Религиоведение, г. Благовещенск, 2017,
№3, с. 32–48.*

Ключевые слова: ислам; мечеть; имам; мусульманское население; развитие; мигранты; казаки; община; Дальний Восток.

Старостин А.Н.,

кандидат исторических наук,
и.о. заведующего кафедрой политических наук
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ярков А.П.,

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Экспертного научного центра противодействия
идеологии экстремизма и терроризма
Тюменского государственного университета

В статье авторы освещают проблему развития ислама на Дальнем Востоке, в частности в Приамурье. Данный вопрос еще очень мало изучен. Авторы исследования, основываясь на анализе исторических источников из архивов Уфы, Хабаровска, Владивостока, материалов статистики, интервью, предпринимают попытку дать комплексную ретроспективу развития ислама в Приамурье от времени появления первых мусульман до наших дней. Авторы отмечают тенденцию к созданию этнических и региональных общин, живущих в соответствии со своими традициями. Авторы приходят к выводу, что в результате миграционных и демографических процессов происходит смена этнического ядра мусульманской общины – с татарского на среднеазиатское и северокавказское.

Несмотря на свою немногочисленность, мусульмане Приамурья стали неотъемлемой частью религиозного ландшафта региона.

Прежде чем обратиться к истории уммы Приамурья, авторы обращают внимание на то, что следует различать Амурскую область конца XIX – начала XX в., охватывавшую территории ряда современных субъектов ДФО (Еврейскую автономную область, часть Хабаровского края), Амурский округ Дальневосточного края (ДВК), Амурскую губернию и современную Амурскую область. Но в любом случае этот регион и тогда, и сейчас был и остается форпостом России, защищавшим ее дальневосточные рубежи.

Одним из самых ранних артефактов присутствия мусульман на данной территории было обнаруженное в 1991 г. в Республике Тыва кладбище Саадак-Терек, где был найден кайрак ‘Умара б. Мухаммада б. ‘Али ал-Балхи – местного имама и зрителя за могилой «святого» сайида Рашид ад-Дина. Надпись на объекте находки была выполнена на фарси и датирована 1194 г. Следов присутствия мусульман в период Средневековья в Приамурье пока не обнаружено.

Авторы, исследуя историю появления мусульман в регионе, отмечают, что в освоении Сибири и Дальнего Востока участвовали прежде всего казаки и служилые люди. В 1644 г. отряд (включая служилых татар, выполнявших роль толмачей) вышел в устье Амура. Информация о присутствии служилых татар среди тех, кто расширял восточные рубежи России, известна, но вопрос об их исповедальной практике остается открытым. Количество мусульман в тот период было слишком мало, чтобы говорить об умме. Какие локальные особенности имела их исповедная практика? Очевидно те, что были характерны для зоны их постоянного проживания – практика адатного ислама Прииртышья.

Ситуация изменилась, когда территория Приамурья окончательно оказалась во власти России – со второй половины XIX в. десятки населенных пунктов были построены от Усть-Стрелки до Хинганского ущелья, а потом и до самых низовий Амура и по правому берегу Усури. Такие населенные пункты возводились частями Сибирского корпуса, которые формировались в местах компактного проживания российских мусульман – татар, башкир и исламизированных народов Среднего и Нижнего Поволжья. Коренных жителей Сибири и Дальнего Востока в армию не призывали (еще в 1822 г. закреплено освобождение от рекрутства сибирских «инородцев»). Кроме того, минусинские (ачинские / абаканские) татары («енисейские киргизы», с 1917 г. – хакасы) являлись после-

дователями шаманизма, а затем и православными, но не исповедовали ислам.

В первоначальном освоении Приамурья было велико значение военных, среди которых имелось много выходцев из регионов Поволжья, где компактно проживали мусульмане, и это определило этническое «лицо» складывающейся уммы (обряды рождения и погребения, татарский язык проповеди, психолого-поведенческие установки). С 1877 г. по просьбе муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания в армии и на казачьих землях были учреждены штатные должности имамов.

Многие мусульмане после военной службы оставались на Дальнем Востоке, также здесь закрепились купцы и ремесленники, составив еще один из элементов формирующейся уммы. Так, в 1890-е годы возникла и Благовещенская община. Часть уммы в Приамурском генерал-губернаторстве на рубеже XIX и XX вв. формировалась из ссыльных или отбывших наказание мусульман.

Авторы статьи приводят данные первой Всероссийской переписи населения 1897 г., согласно которой общее количество мусульман в Амурской области составляло 665 человек (0,55% от общей численности населения края). Состав мусульман был довольно однороден: подавляющее большинство (почти 80%) составляли татары. Сословный состав татарской общины был представлен в основном крестьянами (492 человека), но были также дворяне (3), мещане (73), чиновники (2), иностранные подданные (61 человек). По роду деятельности распределение было следующим: четверть татар занималась частными услугами, 122 – работали на рудниках, 55 – занимались земледелием, 42 – извозом. Грамотность среди них была несколько выше, чем в среднем среди других мусульман области: 24% среди мужчин и 22% среди женщин.

Следующими по численности в умме были мусульмане-китайцы, их насчитывалось 56 человек, все они были мужчинами и проживали в Благовещенске. Грамотой (очевидно, русской) из них владели только двое. Среди мусульман Приамурья в ходе переписи выявилось 17 русских (13 мужчин и 4 женщины, из них грамотные – 9 мужчин и 1 женщина), 10 лезгин и 2 носителя финно-угорской группы языков, все мужчины. Кроме того, 24 мусульманина были отнесены переписчиками к носителям остальных индоевропейских языков и столько же (помимо татар) – к носителям «турско-татарских языков» [Забяко, Беляков, Воронина, 2017, 358].

К 1900 г. число мусульман выросло, составляя уже 879 человек. Это поставило перед властями вопрос о строительстве молитвенного дома или мечети в областном центре. Полагаем, что еще раньше было одобрено выделение участка под «мусульманские» захоронения. Расселены приезжие были неравномерно. Большая их часть – вдоль Транссибирской магистрали, ставшей мощным фактором освоения края.

Что касается криминальной составляющей, то статистика свидетельствовала, что среди этнических групп чаще всего преступления совершали башкиры и татары, а на третьем месте находились уже отбывшие наказание уроженцы Кавказа. Известно, что более половины мусульман были сосланы за воровство. Следом шли преступления «против жизни» (10% от общего числа осужденных). Встречались и осужденные за преступления под «религиозными знаменами». Тяжесть совершенных преступлений закрывала для значительной части мусульман возможность вернуться на родину. После отбытия срока они оставались на Дальнем Востоке, записывая себя и детей в податное сословие.

Отбывших наказание власти старались расселить в отдаленных местах, но число приезжих не могло превышать 1/3 коренного населения. В результате, например, в 1902 г. в г. Николаевске-на-Амуре насчитывалось до 200 мусульман, в том числе отбывших ранее наказание на Сахалине. Их нравственный облик вызывал тревогу у имама М. Фаттахудинова, который за два года своего пребывания в области сумел устроить местную мечеть и организовать Благотворительное общество. Появилось вечернее мектебе, где учились местные гимназисты 4–5 классов (из киргизов и черкесов), там же учились и дети мусульман, приехавшие с Сахалина, но оставшиеся без попечения. Своей деятельностью Фаттахудинов способствовал смягчению нравов и просвещению местных мусульман.

Мечеть, Благотворительное общество и мектебе возникли одновременно. Эти институты мусульманской общины – «махалля» – отражали тот этап развития российского ислама, что принято называть джадидизмом, который начал проявляться как общественно-политическое движение с 1880-х годов. Джадиды ввели звуковой метод обучения грамоте, разработку учебных планов и программ со светскими дисциплинами, классно-урочную систему, экзамены, учебники на родных языках, изучение русского языка. Авторы статьи отмечают, что джадидизм впоследствии подвигал мусульман к интеграции, препятствовал клерикализации, хотя

иногда ориентировал их на неверный путь развития, например поддержку панисламистской идеологии.

Много мусульман появилось на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны. Именно в тот период здесь оказалась группа офицеров и генералов из числа уроженцев Кавказа. Для удовлетворения духовных треб военнослужащих, равно как и для регистрации актов гражданского состояния, требовались муллы. Исследователи указывают на особую роль в жизни уммы в этот период имама и мударриса С.М. Урманова, благодаря деятельности которого противоречия между джадидами и кадимистами не носили столь острый характер как, например, это было в Поволжье или Средней Азии.

К началу Первой мировой войны общее количество мусульман в Амурской области составляло уже 3486 человек (1,6% от общего числа населения). Задача сохранения лояльности мусульман актуализировалась для власти еще в годы Первой мировой войны. Существовали опасения, что могли повлиять на ситуацию, как и ранее (1806–1812, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878), открывшиеся военные действия с Османской империей, которой по-прежнему правил султан – халиф всех мусульман. Опасения большей частью не оправдались. Более того, не подлежащие призыву сибирские татары шли в армию добровольцами. Прибывшие мусульмане принимали присягу в присутствии прикомандированного при штабе Приамурского военного округа муллы.

В 1917 г. институт военных мулл был ликвидирован Временным правительством, но умма Приамурья к тому времени настолько окрепла, что смогла содержать служителей культа и без государственной поддержки, сняв с них одновременно и официальные обязательства поддерживать власть проповедями и наставлениями.

Период утверждения советской власти на Дальнем Востоке был кратковременным, а начавшаяся Гражданская война затянулась здесь до 1922 г. И если созданные до выступления белочехов советские комиссариаты по мусульманским делам ощущали себя боевым штабом мобилизации всех мусульманских масс (но без имамов), то, напротив, в армии А.В. Колчака был возрожден институт военных мулл.

Через Приамурье перекатывались волны миграции, иногда (кратковременно) в разы увеличивая умму (включая служителей культа), но в конечном итоге унося за пределы страны как многих известных богословов и имамов, так и зажиточную часть местных

и приезжих (временных) прихожан. Часть из них обосновалась затем в Харбине.

В первый период восстановления советской власти притеснений в отношении мусульман не было. Более того, в Амурской губернии в 1925 г. имелись две общины (за год до того – одна). В последующем, как и по всей стране, возрастало давление на приходы, а затем и на верующих, число которых невозможно определить из-за отсутствия статистики. В январе 1930 г. долго продержавшаяся община Благовещенска получила «удар» – после антирелигиозного митинга мечеть была закрыта, а в конце 1930-х она, как и почти все другие храмы Благовещенска, была взорвана. В течение последующих 60 лет умма являлась неформализованным объединением практикующих мусульман, собиравшихся по частным домам и для сопровождения похорон.

В 1939 г. в регионе было учтено 2042 татарина. Ощутимей стало присутствие среднеазиатских этносов (больше 200 человек). Поскольку в приграничной зоне раскулаченных и депортированных размещать было запрещено, то очевидно, что это были вольнонаемные, военные и члены их семей.

В послевоенные годы в регионе велось большое строительство. На 1 января 1953 г. насчитывалось 16 903 спецпоселенца (в том числе балкарцы, ингуши, крымские татары, чеченцы). Соответственно, их жизнь и духовные практики отмечались органами надзора, но без анализа различий с традициями, сложившимися у местных мусульман за предшествующие десятилетия на этой земле. Освобожденные из-под надзора впоследствии стремились выехать с мест ссылки, уменьшив количество мусульман по убеждению (или уже только по происхождению), хотя культовых зданий для исповедания ими веры так и не появилось, а старые не были возвращены.

Численность мусульман по происхождению в послевоенные годы увеличивалась и к 1959 г. достигла 5870 человек (0,8% населения). Отметим данные по татарам (включая крымских) – 5006 человек. В 1979 г. численность этой группы населения составила 13 902 (1,48%) человека, из них татар 7939 человек. К 1989 г. количество достигло самого большого показателя – 25 285 (2,41%) человек, но совокупное число татар и башкир было меньше половины – 11 785 человек. Остальные были выходцами из республик Средней Азии и Казахстана – 5594 человека и Северного Кавказа – 1737 человек. Значительный прирост объяснялся тем, что многие поселки и станции БАМа строились представителями разных

республик. Так, туркмены возводили станцию Ларба, таджики – Солони, узбеки – Куанду и Леприндо, уроженцы Башкирии – Верхнезейск, а из Чечено-Ингушской, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР – Кунерму. Как правило, это были молодые люди, в малой степени связанные с религиозными традициями предков, но при новых поселках на линии БАМа появились «мусульманские» участки на местных кладбищах. Поэтому допускаем, что кто-то из молодежи мог устраивать в соответствии с традициями похороны «по шарияту».

Рассматривая современную ситуацию в Амурской области, авторы отмечают в 1990–2000-е годы существенное сокращение мусульманского населения. Среди причин называются: естественная убыль, ассимиляция, переселение в другие регионы России из-за экономических трудностей переходного периода. По данным переписи населения 2002 г., общее число мусульман (по происхождению) в регионе сократилось в два раза – до 12 830 человек (1,4%). Количество татар и башкир при этом составляло 6081 человек. К 2010 г. число мусульман (по происхождению) еще более уменьшилось – до 10 571 человека (1,27%), среди которых число татар и башкир стало меньше половины – до 4290 человек.

Среди оставшихся и вновь приехавших мусульман был отмечен рост религиозных настроений, что отражает общероссийские тенденции в этот период. В январе 2003 г. в Благовещенске прошло собрание диаспор области, на котором было принято решение о создании мусульманского общественного центра и его руководящего органа Высшего Совета. В его состав вошли по три представителя от таджикской и узбекской диаспор, два – от дагестанцев и по одному – от татар и туркмен. Председателем был избран И. Усманджанов.

Организация под руководством этого лидера выступала под разными названиями и не все они имели официальную регистрацию: «Дальневосточное демократическое движение мусульман», «Братья-мусульмане», «Мусульманское братство», «Амурский мусульманский совет». Например, общественное объединение «Братья-мусульмане» было официально зарегистрировано в органах юстиции в 2003 г., однако уже на следующий год управление Минюста вышло в суд с иском о ликвидации «Братъев-мусульман», поскольку объединение носило название международной организации, которая считается в России террористической. Остро стоял вопрос о строительстве мечети. Община не раз обращалась к городским властям относительно выделения земельного участка,

однако предлагаемые мэрией землеотводы отвергались по причине труднодоступности.

С 2009 г. в Благовещенске активизировалась деятельность ЦДУМ, во многом благодаря деятельности представителя данной структуры на Дальнем Востоке Х. Кузнецова. Первая религиозная организация (в составе ЦДУМ) в Благовещенске получила официальную регистрацию 14 декабря 2009 г. Председателем ее стал юрист И. Фасахов, а имамом – О. Омаров. В октябре 2010 г. в составе ЦДУМ зарегистрирована вторая организация области – в Зее (председатель Т.А. Кидрачев), где община прежде действовала в качестве религиозной группы. Большинство мусульман этого города – выходцы из республик Северного Кавказа, преимущественно из Ингушетии. С 2013 г. в Зее действует молитвенный дом площадью 70 кв. м. Религиозная группа (руководитель С. Магомедов) есть и в г. Тынде, где местными властями выделена земля для строительства мечети.

К концу 2011 г. мусульмане Благовещенска остались без имама, а намазы в арендуемом помещении проводил представитель узбекского культурного центра «Олтин Водий» М. Тулунов. Вся административная работа общины лежала на представителе узбекского национально-культурного центра «Олтин Водий» («Золотая долина») А.А. Палванове. В умме на сегодняшний день доминирует центральноазиатская компонента, но при весомой роли выходцев с Кавказа. Не добившись выделения участка на территории Благовещенска, мусульмане в 2011 г. на собственные средства купили землю в пригороде областного центра в с. Чигири (в 7 км) и в марте 2013 г. приступили к строительству мечети с общей площадью в 1200 кв. м.

Собственной централизованной религиозной организации в Амурской области нет, но общины ориентируются на ЦДУМ и его полномочного представителя в Хабаровске ахунда А. Гарифуллина.

Авторы статьи обращают внимание на интересные результаты исследования «Образ мусульман в сознании жителей Приамурья», [Воронкова, 2012, 173–190]. На основе интервью с жителями области (в том числе с представителями православной и католической общин) делается вывод, что в сознании респондентов сложился противоречивый образ мусульман, которому присущи как положительные, так и отрицательные черты. К числу положительных, например, можно отнести ответственность мусульман в вопросах веры. Однако, на взгляд авторов, все-таки в сознании

православных респондентов превалируют либо отрицательные ассоциации, либо сдержанная толерантность или безразличие.

Характерной чертой восприятия мусульман православными является совмещение понятий «нация» (или «этнос») и «конфессия». «Русская вера» (т.е. православие) противопоставляется, увы, вере «нерусской». Также отмечается наличие известного стереотипа: «русский, значит, православный», который можно сопоставить со стереотипом: «мусульманин, значит, террорист».

Для ответов членов католической общины г. Благовещенска более выражена толерантность и даже симпатия по отношению к мусульманам. Часть респондентов указывает на веру в единого Бога как объединяющий фактор; однако мусульмане остаются всё же другими, с «другой» культурой, вероучением, традициями, манерой общения и стилем одежды. В качестве типичных черт мусульманина приводятся строгость, сдержанность, закрытость, жестокость. К положительным чертам образа мусульманина в сознании респондентов относятся ответственное отношение к вере, манера общения и поведения. Ни один из респондентов не следовал стереотипу: «мусульманин – террорист».

Результаты анализа ответов горожан, не причисляющих себя к какой-либо конфессии, показал, что их отношение к мусульманам можно охарактеризовать как толерантное и нейтральное, но мусульмане воспринимаются респондентами как представители совершенно иной культуры. К числу положительных черт образа мусульман в сознании данной группы жителей можно отнести серьезное отношение к вере, отказ от потребления алкоголя, уважение к старшим, хорошее отношение к детям. Но вот многоженство и ущемление прав женщин приводятся респондентами в качестве негативных сторон мусульманской культуры. Также важным в сознании данной категории респондентов остается стереотип: «мусульманин, значит, экстремист».

Увеличение доли мусульман среди населения опасений у большинства респондентов всех трех групп не возникает.

В заключение авторы статьи приходят к выводу, что, хотя ислам и является надэтнической религией, но существует тенденция к созданию этнических и региональных общин, стремящихся культивировать на дальневосточной земле традиции, присущие местам их исхода. Это видно, например, по общине г. Зея, где большинство прихожан – из Ингушетии. По эволюции общины Благовещенска авторы также отмечают произошедшую за последние 100 с лишним лет (в результате миграционных и демографиче-

ских процессов) смену ее этнического ядра – с татарского на среднеазиатское и северокавказское.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

**2018.02.003. Рабаданов И.Р. ГЕОПОЛИТИКА
НА КАСПИИ // Стратегия России, М., 2018,
№ 2, февраль, с. 35–42.**

Ключевые слова: Каспийский регион; безопасность; прикаспийские государства; геополитические интересы; Россия; США.

Рабаданов И.Р.,

офицер запаса, помощник депутата

Государственной думы – члена Комитета по обороне

Автор статьи рассматривает события, которые происходят в Каспийском регионе, в рамках национальных интересов прикаспийских государств и геополитических процессов в данном регионе. По мнению некоторых политологов, США и их союзники преднамеренно разжигают противоречия между странами Каспийского бассейна, для того чтобы заполучить контроль над энергоресурсами региона и изменить позиции России по ключевым вопросам в экономическом и военно-политическом плане.

Автор отмечает, что Каспийский регион издавна является территорией национальных интересов России, имеющей огромное значение для экономики и безопасности государства, особенно в связи с геополитическим противостоянием на Ближнем Востоке. Прикаспийский регион – это пространство, где сходятся интересы ведущих мировых держав: таких как США, Евросоюз, Индия, Турция, Китай и некоторых других стран евразийского континента.

Основным фактором напряжения в регионе является неустоявшийся правовой статус моря. После распада СССР раздел водоема остается предметом неурегулированных разногласий, связанных с разделом каспийского шельфа нефти, газа, а также уникальных биологических ресурсов. Каспийское море – крупнейший на Земле замкнутый водоем, его протяженность с севера на юг составляет около 1200 км, ширина с запада на восток – от 195 до 435 км, а его площадь составляет около 44% общих запасов озерных вод на Земле. В Каспийское море впадает более 130 рек, среди которых крупнейшей считается Волга, являющаяся основной

центральной водной артерией России, которая связывает Каспий по Волго-Донскому каналу с Мировым океаном. Более того, Каспийское море считается одним из богатейших в мире резервуаров нефти, газа и биологических (90% мировых запасов осетровых рыб) ресурсов.

Говоря об истории вопроса, автор отмечает, что в советское время Каспийское море практически было внутренним водоемом в границах СССР и лишь на юге часть берега принадлежала Ирану, с которым действовали договоры, регулировавшие межгосударственные отношения, по которым в Каспийском море могли находиться только суда СССР и Ирана (обе страны имели право пользования акваторией моря, а также могли содержать там ВМС и вести лов рыбы). Однако договоры не имели четких положений о разграничении акватории. Советский Союз, будучи мировой сверхдержавой, в одностороннем порядке обозначил линию условного разграничения «Астара – Гасан-Кули». И хотя Иран эту линию в качестве морской границы юридически не признавал, но фактически и не нарушал.

Сегодня статус водоема официально не определен. Прикаспийские государства не могут договориться уже более 20 лет о его разграничении. Реальное положение дел таково, что де-факто действует секторальное деление, а де-юре продолжают оставаться в силе устаревшие советско-иранские договоры по Каспию, которые теперь устанавливают свободный режим судоходства для прикаспийских государств и общее пользование биоресурсами моря. В мировой практике нет аналогов подобной запутанной юридической ситуации и нет прецедентов ее решения, хотя и есть понимание того, что Каспийское море должно иметь собственный юридический статус.

Рассматривая военно-политические вопросы Каспийского региона, автор отмечает увеличение его конфликтогенного потенциала. Например, подписание между Казахстаном и США в июле 2017 г. очередного пятилетнего плана военного сотрудничества на 2018–2022 гг., детали которого не разглашаются. Казахстан заинтересован в создании собственного ВМФ на Каспии, в чем ему будут активно помогать США.

С Казахстаном также сотрудничает и Китай, который проводит там масштабную экономическую экспансию. Астана рассматривает сотрудничество с Пекином как возможность избавиться от вовлеченности в российскую сферу интересов. Оба государства реализовывают проект «Новый Шёлковый путь», куда китайская

сторона вкладывает десятки миллиардов долларов для строительства казахского участка транспортной инфраструктуры, включая возведение на границе с Китаем нового города Нуркент, где будут проживать до 100 тыс. человек для обслуживания грузопотока из Китая.

Азербайджан, имеющий огромные нефтегазовые запасы, также стал для США стратегическим партнером и с начала 90-х годов XX в. без особого шума постепенно интегрируется в НАТО, реализуя программы военного сотрудничества по модернизации Национальной армии под стандарты НАТО. Следует отметить тем не менее, что межгосударственные отношения между Россией и Азербайджаном остаются достаточно хорошими, а позиции обеих стран совпадают по большинству вопросов.

Туркмения, как и другие страны Прикаспийского региона, не отстает в вопросах сотрудничества с американской стороной. Под предлогом борьбы с международным терроризмом Ашхабад неоднократно обращался за помощью к Вашингтону. Политика США в отношении Туркменистана весьма прагматична – Штаты проявляют заинтересованность в получении доступа к туркменской промышленной и военной инфраструктуре. В последние годы Запад пытается диверсифицировать сотрудничество и ведет курс на сближение с Туркменистаном.

С Ираном ситуация другая, так как для него важен суверенитет, вследствие чего он проводит независимую национальную политику. Иран долго находился под санкциями из-за подозрения в разработке ядерного оружия, и США пытались добиться его международной политической изоляции, а конечной целью США является смена власти в Иране и вовлечение этой страны в сферу интересов США. Поэтому в условиях политических и экономических противостояний Тегерана с Западом его понимание по основным вопросам безопасности в Каспийском регионе совпадает с позицией Москвы. Положительным моментом является то, что Россия и Иран не имеют общей сухопутной границы, и, следовательно, им нечего делить и проще договариваться. С военно-политической точки зрения по ключевым вопросам каспийского сотрудничества Тегеран поддерживает Москву, считая, что обеспечение безопасности на Каспии является прерогативой исключительно прикаспийских государств. Такая позиция по крайне важному сегодня вопросу в сфере безопасности позволила «каспийской пятерке» достичь договоренности о том, чтобы не допус-

кать в Каспийском море присутствия вооруженных сил нерегиональных держав.

На ситуацию в регионе оказывают влияние и такие государства, как Китай, страны Европейского союза, Индия, Турция. Именно Пекин может существенно потеснить в экономическом плане позиции России и США на Каспии. Приоритетным направлением внешнеполитического курса Пекина является взаимодействие с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, однако по мере роста потребностей в импорте энергоносителей роль Каспийского региона в политике Китая будет увеличиваться. Сдержанная позиция КНР по ключевым вопросам региональной безопасности позволяет ей с легкостью налаживать диалоги с государствами Центральной Азии и Южного Кавказа.

В отличие от своих западных партнеров Россия стремится к поддержанию мира и безопасности на Каспии, поскольку ситуация в регионе напряженная. С геополитической точки зрения Каспий является стратегической военной точкой Российской Федерации на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, в непосредственной близости от которой происходят боевые действия. Так, в ходе военной операции в Сирии ВМФ России продемонстрировал свои уникальные возможности, произведя пуски ракет «Калибр НК» на расстояние 1500 км из акватории Каспийского моря по позициям боевиков запрещенной в России террористической организации ИГИЛ.

В связи с нарастающей угрозой со стороны международного терроризма военно-политическое руководство России серьезно увеличивает присутствие и возможности Вооруженных сил на Каспии. Флотилия на Каспии будет на 90% состоять из новейших образцов вооружения, военной техники и укрепит обороноспособность России на данном направлении, хотя при этом Россия постоянно демонстрирует свою готовность к сотрудничеству со всеми заинтересованными странами для обеспечения безопасности в Каспийском регионе.

Подводя итоги, автор делает выводы о будущем этого региона.

1. Интерес мировой политики к Каспийскому региону будет только возрастать. Этому служит ряд факторов: неопределенный международно-правовой статус Каспия; энергетическая безопасность; транспортная безопасность; экологическая безопасность; информационная безопасность; военная безопасность.

2. Неурегулированные конфликты в регионе являются существенным препятствием для регионального сотрудничества, и Каспий в обозримом будущем может превратиться в один из самых нестабильных регионов мира.

3. Россия не должна допустить потерю своего экономического и политического влияния в Каспийском регионе, поскольку это напрямую угрожает ее национальной безопасности.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

**2018.02.004. Савин И.С. ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ
КАК УГРОЗЫ / ГАРАНТА БЕЗОПАСНОСТИ
КАЗАХСТАНА // Вестник Российской нации,
М., 2018, № 1, с. 224–237.**

Ключевые слова: образ России; население Казахстана; безопасность; угроза; защита; советский опыт; антиколониальная риторика.

Савин И.С.,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра изучения
Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья,
Институт востоковедения РАН

Автор статьи анализирует основные факторы, которые влияют на формирование образа России у жителей Казахстана. В статью используются результаты опроса жителей республики, которые помогают понять их представление о России как угрозе безопасности Казахстана, или гаранте этой безопасности. Приводится точка зрения респондентов на роль России в СНГ и евразийском пространстве за последние несколько лет.

Все ответы сгруппированы в несколько смысловых блоков, условные обозначения которых дают представление о доминирующих чертах образа России в каждом из них. Те, кто воспринимает Россию как убежище и гаранта безопасности, имеют личный опыт взаимодействия с российской действительностью, а те, для кого Россия – это угроза, в большей степени получают информацию через СМИ и социальные сети.

Восприятие России со стороны жителей стран СНГ и ЕАЭС постоянно отслеживается. Выявляются наиболее значимые тенденции в настроениях людей. Так, в исследовании 2016 г. выяснено,

что Россия остается для казахстанцев дружественной страной (81% опрошенных), но доля думающих так постепенно снижается.

Общих цифр недостаточно для того, чтобы понять причины зарождения тех или иных тенденций восприятия России, и такие задачи решаются в исследованиях, применяющих качественные методы. В недавно опубликованном докладе С. Джаксылыкова, в котором на основе этнически однородных фокус-групп (русские и казахи) и экспертных интервью, проведенных в 2016 г. в Павлодаре среди граждан и активистов этнически окрашенных социальных движений, делается следующий вывод: отношение граждан Казахстана к интеграции в ЕАЭС зависит в первую очередь от их этнической принадлежности. Казахи и «казахские националисты» поддерживают только экономические варианты интеграции. Русские и «русские националисты» приветствуют любые, как можно более глубокие формы интеграции, и для них евразийская интеграция означает, прежде всего, интеграцию с Россией.

Такие результаты опроса проясняют ситуацию, но оставляют за рамками анализа мотивы формирования мнений, сводя все к этнической принадлежности. Но факторы, формирующие основные черты образа России в представлении граждан Казахстана, гораздо более разнообразны. Это стало очевидным в ходе исследования, проведенного в 2016 и 2017 гг. сотрудниками Института востоковедения РАН Н.П. Космарской и И.С. Савиным в двух городах Казахстана: Петропавловске (июнь 2016 г.) и Алма-Аты (октябрь 2016 г., май 2017 г.).

Автор приводит следующие результаты своего исследования: выявлены самые разные аспекты образа России в Казахстане – от удобств утилитарного использования преимуществ приграничного расположения до вопросов безопасности, культурной памяти и идентичности. Автора статьи и исследований интересовали в первую очередь факторы, формирующие образ России в Казахстане в контексте безопасности, т.е. ответ на вопрос: «В каких ситуациях и кем воспринимается Россия в Казахстане преимущественно в качестве фактора угрозы, а кем и когда, наоборот, как условие поддержания безопасности страны?»

Среди всего многообразия мнений и точек зрения исследователь выделяет несколько характерных концептов, которые сформированы из наиболее часто упоминаемых характеристик России как субъекта безопасности Казахстана.

1. *Россия как убежище (более комфортное место)*. Россия воспринимается (хотя и в шутку) как более благоприятное для

гражданских активистов и не поддерживаемой властями деятельности пространство, где уровень безопасности для гражданина выше, чем в Казахстане. К такому образу России присоединяется представление о том, что в России в целом более либеральный порядок и менее жесткий режим. Для жителей приграничных областей, которые имеют опыт длительных регулярных отношений с русскими, характерно положительное восприятие России. Иногда аргументом против того, чтобы считать Россию угрозой, служит мнение о том, что она более развита в каких-то сферах, что делает жизнь там комфортнее, а сотрудничество с ней – привлекательным.

2. Россия – не угроза, а защита. В течение интервью и фокус-групп наши собеседники отвечали и на прямой вопрос: как они воспринимают Россию с точки зрения той силы или субъекта, которая влияет на безопасность их самих как жителей Казахстана. Одним из часто упоминаемых тезисов был такой, что Россия важна для безопасности Казахстана не как носитель этих угроз, а как та сила, которая от них защищает. Часть аргументов этого тезиса базируется на представлении о том, что Россия – стратегический партнер Казахстана и его жители могут рассчитывать на ее военные ресурсы.

Воздействие СМИ: чаще всего СМИ либо используют материалы российских коллег, либо воздерживаются от каких-либо негативных материалов о России, что характерно больше для северных регионов, тогда как на юге есть очень много казахоязычных газет и сайтов, которые несут несколько иную информацию о России. Но изучение доминирующих в местных СМИ тенденций описания событий в России – это интересная тема, которая требует отдельного исследования.

3. Россия – и угроза и защита. Доминирующий нейтрально-положительный образ России вовсе не означает, что в Казахстане нет других тенденций восприятия России. Существует множество «водоразделов», которые определяют различия в восприятии образа России среди разных категорий жителей страны. Иногда на эти отличия накладываются языковые и идеологические, т.е. решающее значение имеет среда, в которой проходила социализация респондента. Разное отношение к России осознается и самими респондентами. Они даже пытаются выстроить соотношения носителей разных мнений в масштабе жителей всей страны. Одни говорили о том, что примерно 80% жителей не воспринимают Россию как угрозу; другие – что 60%, тогда как 20 и 40%, соответст-

венно, придерживаются противоположного мнения. Важно отметить, что никто из респондентов не воспринимал это расхождение мнений как проблему «разделенного сознания». Все понимали, что в любом обществе могут и должны рождаться разные мнения, обусловленные различным социальным опытом людей. Приходилось встречать мнения, что антироссийски больше настроены активисты социальных сетей и блогеры, тогда как «простые казахи» как на юге, так и на востоке Казахстана поддерживают политику России, так как не живут в системе координат Россия / не Россия.

4. *Россия как угроза.* В некоторых интервью отмечалось, что представление о России как об угрозе формировалось на протяжении всего периода независимости Казахстана. Далее авторы приводят мнения некоторых респондентов: «...определенная часть населения, конечно, воспринимает, скорее, на уровне символа тот факт, что Россия хочет аннексировать Казахстан. Это иррациональный вопрос. Статьи Солженицына до сих пор вспоминают... Россия для них по новым учебникам – это страна, которая колонизировала бедных казахов, если, конечно, родители им не объяснили, как нужно и кто мировой агрессор» (казах, 47 лет, политолог, г. Алма-Ата). Восприятие России в рамках логики деколонизации явно чувствуется в ответах молодого населения Казахстана. Процесс становления такого образа России с точки зрения исследовательского рационализма демонстрирует алма-атинский политолог: «Образ России уже начинает восприниматься либо отстраненно, либо как угроза. Россия и вместе с ней русский язык перестают быть таким центром сборки, Россия перестает быть привлекательной страной. И технологически, и культурно, и интеллектуально...»

Очевидно, что сохранение в стране носителей столь несопадающих точек зрения на Россию обусловило отсутствие абсолютных тенденций в массовом сознании и позволило обеспечить более-менее устойчивый консенсус по поводу политики государства в отношении РФ и развития интеграционного вектора. Несмотря на непрекращающуюся критику России в социальных сетях и отдельных СМИ, на локальные публичные акции против ЕАЭС, массовых антироссийских настроений авторы все же не фиксируют.

Подводя итоги, автор отмечает следующее.

– Образ России как угрозы или условия безопасности Казахстана сохраняет свою неоднозначность. Наблюдается относительное доминирование нейтрально-положительных характеристик с перспективой сокращения в силу демографических и идеологи-

ческих причин. Сокращается по естественным причинам число носителей прежней, во многом относящейся к России, советской модели мировосприятия и растет число приверженцев новой, так называемой антиколониальной, модели, которая по тем же демографическим причинам является антирусской.

– В основе разного отношения к России лежат факторы различной природы. На него влияет разница поколений (молодежь более скептична), языковая среда (преимущественно русскоязычные, как правило, более лояльны), региональная принадлежность (в приграничной североказахстанской области меньше ощущается воздействие обобщающей риторики и больше влияние прагматики повседневности), включенность в ту или иную информационную среду (советско-российскую или антиколониальную, прозападную). Трудно однозначно говорить об этнической обусловленности тех или иных мнений. Русские вообще менее категоричны и менее склонны к обобщениям в масштабах всей страны. В то же время существует заметный слой казахов, для которых привычной и удобней было бы быть включенными в сферу российского влияния. Старшему поколению – из-за советского прошлого, а молодому – из-за существующих образовательных перспектив и бизнес контактов.

– Нейтральный образ России у части населения Северного Казахстана во многом основывается на личном опыте. Они ощущают преимущества приграничного проживания, но не ощущают угроз, так как трудно бояться того, кого знаешь и с кем общаешься каждый день. В категориях «заботы о стране» рассуждают лишь журналисты. Тогда как в Алма-Ате такая логика распространена и у студентов, и у политологов, и у таксистов. Число непосредственных контактов несравнимо меньше, и люди вынуждены додумывать более комфортную для себя модель восприятия России, которая не всегда оказывается позитивной.

Автор реферата В.Н. Сценсович

2018.02.005. **Гарбузарова Е.Г.**
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ
НЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ
НА РЕЛИГИОЗНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
КИРГИЗСТАНА // *Исламоведение,*
Махачкала, 2017, т. 8. № 4, с. 5–16.

Ключевые слова: исламский фундаментализм; радикализм; исламские государства; исламистские идеи; терроризм.

Гарбузарова Е.Г.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии
Киргизско-Российского Славянского университета

Автор статьи рассматривает вопросы религиозной безопасности Киргизстана, анализирует геополитическое влияние нерегиональных акторов на ситуацию в стране. Автор отмечает, что ввиду социально-экономических трудностей идеи исламского радикализма находят поддержку среди киргизского населения, а Ферганская долина, где проходит южная граница республики, является потенциальным очагом нестабильности.

Географическое положение Киргизстана привлекает исламские государства региона, которые надеются получить геополитическое превосходство. Саудовская Аравия и Катар ведут в этом направлении целенаправленную работу, инвестируя деньги в ряд социально-экономических проектов, и такая помощь осуществляется параллельно с экспортом ваххабитской идеологии. Угрозу для Киргизии представляют исламские радикалы, базирующиеся на территории Афганистана и Пакистана. Они рассматривают эту страну как тыл, откуда можно нанести удар по России. Масштабную деятельность в республике развернуло движение турецкого религиозного деятеля Ф. Гюлена – «Хизмет». Если учитывать идеологические предпочтения этого движения, то есть вероятность в перспективе столкнуться с его чрезмерным влиянием в стране. С распадом СССР в 1991 г. Киргизия обрела независимость и одновременно столкнулась с угрозами, среди которых надо отметить исламский радикализм и терроризм.

На данный момент страна находится в процессе трансформации в парламентскую республику, и самое главное – это сохранение стабильности политической системы в условиях внутри-

политических противоречий, а также глобальных и региональных процессов. Религиозная безопасность – основа национальной безопасности Киргизии. В XXI в. наблюдается экспансия религиозных ценностей в мировой политике, одновременно набирают силу радикальные течения. В последнее время появилось множество терминов, связанных с исламским миром: «исламизм», «политический ислам», «исламский фундаментализм», «исламский радикализм», «исламский экстремизм». Автор статьи приводит различные определения данных понятий политологами, но отмечает, что пока еще нет единой точки зрения по данному вопросу. После распада СССР из Афганистана в центральноазиатские республики, границы которых стали прозрачными, хлынул поток недоступных ранее религиозных изданий, а вместе с ним начали проникать и исламские радикалы. Нестабильная социально-экономическая ситуация, коррупция и безработица в Киргизии упростили задачу идеологов исламского радикализма – они успешно пропагандировали свои идеи и вербовали мусульманское население страны.

Религиозный фактор играет особую роль в Ферганской долине, самой густонаселенной части Центрально-Азиатского региона, где проживают около 14,5 млн человек. Здесь проходят границы Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, у которых после распада СССР возникли территориальные претензии друг к другу. Сложную ситуацию в регионе усугубляют радикальные движения.

Автор, основываясь на изучении мнения экспертов, выделяет три основных этапа продвижения радикального ислама в Центрально-Азиатском регионе:

– деятельность зарубежных проповедников, обучающих местную молодежь особой трактовке основ ислама, и направление желающих углубленно изучать теорию ислама в зарубежные центры (джамааты);

– пропаганда экстремистских идей и расширение круга последователей;

– организация массовых беспорядков, терактов, гражданских войн, имеющих целью свержение государственного строя.

После распада СССР все постсоветские государства, включая Киргизию, столкнулись с проблемой идеологического вакуума, и в результате ислам стал оказывать существенное влияние на жизнь общества. На сегодняшний день возрождение ислама связано с проблемой политизации данной религии, ее радикализацией в угоду определенным силам. Исламские государства, такие как

Саудовская Аравия, Катар, Пакистан, Турция, проявляют интерес к Киргизии, пытаясь вовлечь ее в свою геополитическую орбиту. Вторую группу государств составляют Пакистан, Ирак, Иран, Сирия, Судан, Йемен, Ливан, где базируются террористы, где расположены их тренировочные лагеря, арсеналы с оружием и финансовые центры, которые в свою очередь спонсируют реализацию масштабных терактов.

Автор статьи выделяет несколько тенденций, которые представляют угрозу национальной безопасности республики.

1. *Фактор монархий Персидского залива.* Чрезмерная щедрость или «дипломатия кошельков» таких государств, как Саудовская Аравия, Катар, вкладывающих миллионные инвестиции в Киргизстан, настораживает. Саудовская Аравия – страна, население которой исповедует ислам ваххабитского толка, претендует на ключевую роль в мусульманском мире, обосновывая такие претензии тем, что на территории Королевства находятся важнейшие мусульманские святыни. Саудовская Аравия заинтересована в реализации различных сельскохозяйственных и инфраструктурных инвестиционных проектов в Киргизии, и не исключено, что вместе с инвестициями в страну будут экспортированы идеологические ценности ваххабизма. Показательным примером в данном случае могут служить отношения между Пакистаном и Саудовской Аравией в XX в., развитие которых определял исламский фактор. Власти Саудовской Аравии пообещали оказывать Пакистану поддержку лишь после того, как руководство Пакистана заявило о намерении использовать в своей деятельности принципы шариата. Процесс насаждения ислама ваххабитского толка в Киргизстане запущен и, вероятнее всего, в перспективе будет усиливаться. В 2012 г. в Киргизии открылось посольство Катара – богатейшей страны на Ближнем Востоке, население которой исповедует ислам суннитского толка. Считается, что Катар является проводником американских интересов в Центральной Азии. Интерес Катара к Киргизстану в последнее время усиливается. Представители благотворительных организаций из Саудовской Аравии и Катара выделяют деньги на строительство новых мечетей в г. Ош на юге республики, планируют предоставить 30 млн долл. на строительство государственных школ.

2. *Фактор Пакистана.* Экстремистская угроза Киргизии идет также из Пакистана, входящего в сеть государств, на территории которых активно действуют экстремисты и террористы. С началом антитеррористической кампании в Афганистане (2001)

Пакистан превратился в тыловую базу радикально-исламистского подполья, где скрывались талибы и боевики союзных с ним организаций – «сети» Хаккани, Аль-Каиды, Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и др. Афганские талибы находят убежище в Северном Пакистане, территория которого представляет для исламистов особый интерес, так как является частью Великого Хорасана, куда помимо районов Пакистана входят некоторые районы Ирана, Центральной Азии и Афганистана. Исламское государство (ИГИЛ, запрещенное в России), образовавшееся на территориях Сирии и Ирака, экстраполирует влияние на Пакистан, а через него и на Центральную Азию. В конце 2016 г. стало известно, что ИГИЛ активизировало свою деятельность в Пакистане, привлекая на свою сторону местных экстремистов и боевиков из ИДУ (Исламское движение Узбекистана).

3. *Фактор Афганистана.* Афганистан на протяжении уже нескольких десятилетий является очагом нестабильности в Центрально-Азиатском регионе, и мирное урегулирование в этой стране представляется весьма проблематичным. Рассматривая обстановку в Афганистане, следует отметить, что дестабилизирующим фактором могут стать геополитические интересы глобальных держав (США, России, Китая, Ирана), у которых разные подходы к сложившейся ситуации. Борьба с ИГ требует совместных действий участников международной антитеррористической коалиции, даже в том случае, когда речь идет о сотрудничестве с талибами. США предпочитают иметь дело с талибами без посредников. Это подтверждает их отсутствие на конференции по вопросам афганского урегулирования в Москве в апреле 2017 г. Пребывая долгое время в Афганистане в рамках антитеррористической миссии, США установили контакт с талибами и игнорируют усилия России в решении афганского вопроса. Предполагается также, что у ИГ имеются далеко идущие планы на Афганистан, с территории которого радикальные исламисты попытаются ударить Россию в тыл – из Средней Азии. На территорию Киргизстана террористы могут проникнуть из Афганистана через Таджикистан.

4. *Турецкий фактор.* Религиозное влияние Турции в Киргизстане растет. Речь идет об образовательных учреждениях «Себат», учредителем которых является турецкий религиозный проповедник Фетхулла Гюлен, который предположительно связан с ЦРУ и чья деятельность финансируется правительством США. Преподаватели школ «Себат» являются верующими и, соответственно,

небеспристрастны в оценке религиозных вопросов. Цель Ф. Гюлена и его последователей – переход от светского устройства общества к халифату. В Киргизстане 28 объектов, входящих в образовательную сеть «Себат»: девять начальных школ, 16 лицеев, две международные школы, международный университет «Ататюрк – Ала-Тоо». Расположены они в разных регионах республики. Всего в данных учреждениях обучаются около 12 тыс. школьников и студентов. Студенты, обучающиеся в школах «Себат», проявляют глубокий интерес к Турции как к стране, добившейся значительного экономического роста. Лицеи «Себат» обладают развитой современной материально-технической базой, и многие университеты в Киргизстане уступают турецким школам в этом плане, поэтому киргизская молодежь охотно их выбирает для получения образования.

Чтобы оценить, что собой представляет движение «Хизмет», необходимо воспользоваться методикой исследования современного исламского сектанства. Суть ее заключается в следующих рекомендациях: сделать объектом научного исламоведческого анализа все группировки, которые объявляют себя исламскими; обращать внимание на наличие во всех этих группировках духовного лидера; рассматривать все группировки как своего рода организованное выражение некоего мнения; выяснить соотношенность их идей с традиционным исламом. Не исключено, что движение «Хизмет», постепенно расширяя круг своих последователей, может служить проводником исламистских идей в Киргизстане и стать угрозой ее безопасности, насаждая свое понимание ислама, отличное от традиционного для республики.

Подводя итог, автор высказывает точку зрения, что в настоящее время речь идет о национальном выживании Киргизской Республики, которое можно обеспечить, опираясь либо на собственные силы, либо на помощь союзников по линии ОДКБ и ШОС. Последний вариант представляется автору наиболее эффективным ввиду того, что эти интеграционные структуры имеют больше возможностей и ресурсов, чтобы защитить национальную безопасность стран-участниц. Экономика Киргизии находится на уровне самых слабых развивающихся стран, и правительству Киргизстана необходимо развивать сотрудничество с партнерами по евразийской интеграции, чтобы поднимать страну на должный уровень.

В условиях многочисленных глобальных вызовов и угроз сотрудничество на мировом и региональном уровнях становится

более чем актуальным. Автор считает, что только совместно Киргизстан, Россия, Китай и США смогут оказать эффективное и решительное противодействие терроризму и экстремизму. В мире происходит размывание традиционного баланса сил – появляются новые центры влияния и новые движущие силы, и Киргизстан должен выстроить свою внешнюю политику с учетом национальных интересов, чтобы занять достойное место в международных отношениях, правильно выбрав партнеров для борьбы с современными вызовами и угрозами.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Тоцкойнова Н.М.,
студентка 4-го курса кафедры политологии
(Московский государственный
лингвистический университет)
**СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ**

Аннотация. В статье автор дает анализ террористических угроз в Центрально-Азиатском регионе, а также представляет обзор мнений экспертов и политологов по проблемам противодействия терроризму.

Ключевые слова: Центральная Азия; Ферганская долина; терроризм; ОДКБ; США; ИГИЛ.

Уровень террористической опасности в странах Центрально-Азиатского региона был высок на протяжении всех постсоветских лет. В значительной степени это обусловлено факторами внутреннего порядка: низким уровнем социально-экономического развития общества, создающим почву для возникновения радикального исламизма, этнонационального сепаратизма, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия, нелегальной миграции; клановой борьбой, нередко использующей политический экстремизм в собственных целях; недостаточным развитием религиозного и культурного самосознания.

Положение усугубляется близостью к очагам международной исламистской угрозы. С ухудшением обстановки в соседнем Афганистане, созданием и расползанием нового террористического

объединения – «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), запрещенного в России, регион превращается в зону повышенной террористической угрозы. Между тем в силу своего географического положения постсоветский Центрально-Азиатский регион является важным звеном в обеспечении глобальной безопасности, при этом очевидно особое значение, которое имеет сохранение мира и стабильности в регионе для его ближайшего соседа – России.

Террористическая угроза в Центрально-Азиатском регионе

Долгое время на территории Центрально-Азиатского региона действовала экстремистская группировка «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Она преследовала цель отделения Ферганской долины от Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана и образования на ее территории отдельного государства, которое, по замыслу, должно войти в состав Всемирного исламского халифата, включающего весь Ближний Восток и Кавказ.

Как известно, Ферганская долина представляет собой густонаселенный район с высоким уровнем безработицы, что делает ее территорией, удобной для деятельности радикальных организаций и вербовки новых участников. ИДУ обвиняется во многих терактах в Узбекистане, а также во вторжении вооруженных отрядов в Киргизстан и Узбекистан.

Отряды ИДУ принимали участие в гражданской войне в Таджикистане на стороне Объединенной таджикской оппозиции, а после перемирия большая их часть переместилась в Афганистан. В Афганистане ИДУ совместно с «Талибаном» воевало против сил коалиции. По свидетельству источников, после того как боевиков ИДУ оттеснили на границу Пакистана и Афганистана, они вступили в контакт с «Аль-Каидой».

В последние годы, как отмечают эксперты, организация переживает раскол, на ее базе возникают новые террористические организации, в том числе «Исламский джихад» (2002)¹.

А в августе 2015 г. ИДУ примкнуло к ИГИЛ. Перетекание одних террористических объединений в другие не меняет сути

¹ Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Россия – антитеррор. Национальный портал противодействия терроризму – <http://www.antiterror.ru> (Дата обращения: 12.12.2018.)

проблемы – значительного усиления глобальной террористической угрозы, в эпицентре которой может оказаться постсоветская Центральная Азия.

Новые вызовы создает скопление формирований боевиков на границе Афганистана с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Обострение ситуации в Афганистане вблизи южных рубежей СНГ было зафиксировано еще в конце апреля 2015 г., когда талибы объявили о начале весеннего наступления на правительственные силы¹.

Дальнейшая эскалация внутриафганского конфликта была связана с захватом боевиками г. Кундуз, расположенного в 70 км от таджикской границы. В связи с этим с 1 октября пограничные войска Таджикистана были приведены в полную боевую готовность. На состоявшейся вскоре после этого двусторонней встрече президентов Таджикистана и России с таджикской стороны была выражена обеспокоенность ухудшающейся с каждым днем ситуацией в Афганистане. По словам президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, боевые действия идут на протяжении 60% таджико-афганской границы. Подчеркнув, что эта граница находится в зоне ответственности ОДКБ, он поставил вопрос об обеспечении организацией безопасности в регионе.

В мае-июне регулярно поступали сообщения об ожесточенных боевых столкновениях талибов с правительственными войсками в граничащих с Туркменистаном провинциях Герат и Бадгис. При этом отмечалось многократное превосходство сил талибов. Интенсивные бои в этих провинциях в конце мая привели к увеличению потока афганских беженцев в направлении границы с Туркменистаном. Однако туркменские пограничники не пропустили их в страну из-за опасения атаки талибов.

Осенью 2015 г. в связи с новым наступлением талибов на Севере Афганистана туркменские войска также перешли в режим постоянной боевой готовности. Была объявлена мобилизация офицеров и рядовых запаса, произведена передислокация боевой техники, в результате которой вдоль туркмено-афганской границы было сконцентрировано до 70% боеспособной техники и вооружения сухопутных войск Туркменистана. Однако новым главу движения «Талибан» мулла А. Мансур, отказавшийся вести переговоры

¹ Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Россия – антитеррор. Национальный портал противодействия терроризму – <http://www.antiterror.ru> (Дата обращения: 12.12.2018.)

с правительством в Кабуле, заявил, что его движение не представляет угрозы северным соседям, и страны Центрально-Азиатского региона не должны беспокоиться по этому вопросу.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что в настоящее время реальная угроза странам Центрально-Азиатского региона исходит не от «Талибана», а от набирающего влияние в северных провинциях Афганистана ИГИЛ (запрещенного в РФ). Ряды этого террористического объединения растут за счет выходцев из Центрально-Азиатского региона, число которых, по различным оценкам, доходит до 4 тыс.

По мнению директора Аналитического центра МГИМО А. Казанцева, «классические талибы, будучи пуштунскими националистами, конечно, в Центрально-Азиатский регион не пойдут – это миф, а вот вторжение в регион групп различных этнических экстремистов, связанных как с “Аль-Каидой”, так и с ИГ, не только вероятно, но и вообще ожидаемо в свете той ситуации, которая сложилась в Афганистане, Центральной Азии и Ближнем Востоке»¹.

Тем не менее не все политологи придерживаются этой точки зрения. Некоторые эксперты считают маловероятным прямое военное вторжение группировок ИГИЛ в Центрально-Азиатский регион, полагая, что разговоры об угрозе ИГИЛ для Центральной Азии региона в значительной степени вызываются внешними силами, заинтересованными в укреплении своего влияния в регионе, или же руководством самих республик, рассчитывающих на финансовую помощь из-за рубежа.

Борьба с терроризмом

Узбекский политолог Я. Садиков, признавая активизацию агентов международных террористических организаций в странах Центральной Азии, полагает, что военной угрозы Узбекистану и другим странам региона со стороны ИГИЛ не существует². Одной из причин этого он считает конструктивное сотрудничество спецслужб стран региона с афганскими коллегами, в том числе в обеспечении безопасности на общих границах. Между тем в соответствии с объективными данными, в республиках региона резко

¹ Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами. [Электронный ресурс]. – www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015 (Дата обращения: 12.12.2018.)

² Там же.

активизировалась деятельность агентов ИГИЛ, которые ведут работу по подрыву государственной власти, вербуют тайных сторонников и провоцируют беспорядки.

При поддержке российских спецслужб была предотвращена серия терактов, которые должны были произойти в Бишкеке. В ответ на эти действия ИГИЛ выдвинуло ультиматум руководству республики. В социальных сетях появились прямые угрозы в отношении лидеров Киргизстана – если власти республики продолжат задержание сторонников ИГИЛ и будут препятствовать вербовке новых боевиков, то в ближайшее время страну захлестнет волна террора.

В Узбекистане предпринимаются повышенные меры безопасности среди населения, а в мечетях ведут разъяснительную работу о сущности ислама. В августе 2015 г. на юге республики, в Андижане, были проведены совместные антитеррористические тактические учения соответствующих подразделений министерств обороны, внутренних дел, чрезвычайных ситуаций и Службы национальной безопасности республики.

Как отмечают эксперты, в настоящее время Узбекистан обладает наиболее сильной армией в регионе, а узбекский участок границы с Афганистаном является одним из наиболее охраняемых и защищенных. Тем не менее бывший президент республики И. Каримов проявлял крайнюю обеспокоенность в связи с нарастанием в регионе террористической угрозы¹.

Следует отметить, что стратегия безопасности, проводимая Ташкентом, предполагает поддержание тесных добрососедских отношений с правительством Афганистана и развитие экономических связей (строительство транспортных, логистических маршрутов в Афганистан, участие в развитии его электроэнергетического сектора, поставки продуктов питания и других товаров). В случае реализации угроз ИГИЛ поодиночке справиться с ситуацией республики Центральной Азии не смогут, и это находит понимание в центральноазиатских столицах. Между тем одной из главных слабостей государств Центрально-Азиатского региона в борьбе с терроризмом является невысокий уровень взаимодействия в этом направлении, что во многом обусловлено их давними противоречиями.

¹ Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами. [Электронный ресурс]. – www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015 (Дата обращения: 12.12.2018.)

Разобщенность региона

Сложными остаются отношения Киргизстана и Узбекистана, Таджикистана и Узбекистана, испортившиеся из-за проблемы использования водных ресурсов региона. Нередко происходят столкновения на границе Таджикистана и Киргизстана протяженностью 970 км, из которых только 567 демаркированы и делимитированы. Как заявил министр иностранных дел Киргизстана Э. Абдылдаев на 70-й сессии Генассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.), прямой многосторонний политический диалог между странами Центрально-Азиатского региона фактически отсутствует. Он, в частности, предложил создать диалоговую площадку для стран региона в рамках ООН, «чтобы активизировать политическое и экономическое сотрудничество в регионе».

Нарастание террористической угрозы вынуждает республики Центральной Азии более активно сотрудничать друг с другом в сфере безопасности. Так, в июле 2015 г. на Юге Киргизстана в приграничном с Таджикистаном районе при поддержке ОБСЕ были проведены совместные командно-штабные тактические учения двух республик «Заслон-2015» с участием экспертной группы ФСБ РФ¹.

Туркменистан и Узбекистан, два ближайших союзника по региону, обладающие внеблоковым статусом, по итогам состоявшейся 7–8 октября 2016 г. встречи президентов двух стран в Ташкенте достигли договоренности об усилении взаимодействия по охране границ с Афганистаном и подписали ряд соглашений о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и другими вызовами. (Договоренность о совместной охране границ действует между двумя странами с 2012 г.)

Руководство Центрально-Азиатского региона возлагает надежды на поддержку в борьбе с исламистской угрозой со стороны мирового сообщества и центров силы, имеющих наибольшее влияние в регионе, – России, Китая и США. Антитеррористическая тематика входит в повестку дня различных международных саммитов, форумов и других мероприятий в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС, в которых принимают участие страны ЦА. На активизацию взаимодействия постсоветских государств в области борьбы

¹ Арифханов Ш. Центральная Азия: Настоящее и будущее. – Ташкент, 2015.

с терроризмом направлены решения октябрьского саммита СНГ в Казахстане.

На нем были приняты Заявление о борьбе с международным терроризмом, Концепция военного сотрудничества до 2020 г., Программа сотрудничества в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2016–2020 гг. По словам Исполнительного секретаря СНГ С. Лебедева, политики договорились о взаимопомощи в обустройстве участков внешних границ государств СНГ на «наиболее уязвимых направлениях». С этой целью должны быть созданы специальные группировки пограничных войск. Эксперты не исключают, что российские пограничники могут вернуться на таджикско-афганскую границу, откуда они ушли в 2005 г.

Тем не менее основные векторы внешнеполитического сотрудничества центральноазиатских государств в области безопасности отличаются друг от друга.

ОДКБ и Центрально-Азиатский регион

Для Казахстана, Таджикистана и Киргизстана приоритетным является взаимодействие с Россией в рамках ОДКБ. В середине сентября в Душанбе состоялось очередное заседание Совета коллективной безопасности ОДКБ, на котором главы стран – участниц ОДКБ обсудили проблемы борьбы с терроризмом, кризис в Сирии, сотрудничество в оборонной сфере и др.

Президент Казахстана Н. Назарбаев считает, что Россия и Казахстан имеют общее видение оценки развития ситуации в мире, тесно координируют подходы к решению проблемы безопасности¹. Он подчеркнул, что для стран региона большое значение имеет обстановка в Афганистане, Ираке и Сирии, причем сирийский кризис представляет угрозу для всего Центрально-Азиатского региона. На октябрьском саммите СНГ в Казахстане Назарбаев выступил с инициативой создания форума «Ислам против терроризма», который должен объединить усилия мусульманских стран.

Россия готова выступить гарантом безопасности Центрально-Азиатского региона, о чем свидетельствует ее лидирующая роль в ОДКБ. В связи с ростом в регионе террористической угрозы

¹ Анненков В.И. Международная безопасность, геополитические и военно-политические аспекты современности. Статья. – М.: Русавия, 2017.

Россия намерена усилить свое присутствие в Центрально-Азиатском регионе, в частности за счет укрепления военных баз в Таджикистане и Киргизстане, а также увеличения военно-технической помощи союзникам по ОДКБ.

Россия подписала договоры с Таджикистаном и Киргизстаном о продлении срока действия российских военных баз в этих странах до 2047 и 2032 гг. соответственно. Также Москва заявила об увеличении военного контингента 201-й российской базы в Таджикистане с 5900 до 9 тыс. человек к 2020 г. На аэродром Айни, куда Россия пыталась получить доступ с 2004 г., будет направлена вертолетная группа для усиления данной российской военной базы¹. Кроме того, в рамках ОДКБ были проведены военные учения с выходом на границу Таджикистана и Афганистана. Как сообщают источники, учитывая сложную внутривосточную ситуацию в Киргизии, РФ готова предоставить республике военную помощь в размере 1 млрд долл.

За счет обновления авиации будет также усилена российская авиабаза в Канте, куда уже поступили 10 новых усовершенствованных истребителей СУ-25. Кроме того, согласно двустороннему договору, Москва предоставила республике 10 БТР, артиллерийские системы и боеприпасы к ним, запасные части и оборудование для средств ПВО.

До 2017 г. Киргизстан должен получить основную часть военной помощи, которая включает бронетранспортеры, боевые машины, самолеты и вертолеты. Узбекистан и Туркменистан, объявившие о своем внеблоковом статусе, занимают обособленную позицию. Что касается Узбекистана, который в 2012 г. вышел из ОДКБ, то главной площадкой его сотрудничества с Россией остается ШОС.

С 2003 г. в Ташкенте располагается Региональный антитеррористический центр ШОС (РАТС). Имеющиеся между Москвой и Ташкентом двусторонние соглашения о стратегическом партнерстве обязывают стороны оказывать содействие друг другу в сфере безопасности. Некоторые узбекские аналитики не исключают того, что в случае очень серьезных угроз безопасности со стороны террористических, экстремистских группировок Ташкент может пойти на создание неких форматов сотрудничества с ОДКБ.

¹ Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Россия – антитеррор. Национальный портал противодействия терроризму. – <http://www.antiterror.ru> (Дата обращения: 12.12.2018.)

Например, создать площадку для диалога в рамках формулы ОДКБ–Узбекистан, четко оговорив, что данный формат не рассматривает участие республики в деятельности организации, кроме сотрудничества в антитеррористической сфере в регионе.

США и Центрально-Азиатский регион

Однако предугадать действия правительства Узбекистана, политика которого всегда отличалась двойственностью, сложно. В частности, на упоминавшейся выше встрече президентов Узбекистана и Туркменистана был согласован синхронный отказ от обращения к РФ за помощью в случае обострения ситуации на афганской границе.

В то же время в Декларации о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и США зафиксирована готовность Вашингтона оказать помощь республике, вплоть до военной, в случае возникновения угроз безопасности. Передача Ташкенту американской стороной некоторой военной техники после частичного вывода своего контингента из Афганистана свидетельствует о продолжении сотрудничества двух стран в этой сфере. В рамках специальной программы Пентагон передал Узбекистану 300 бронемашин общей стоимостью 180 млн долл.¹

Соединенные Штаты не намерены оставлять Центральную Азию в сфере влияния России и Китая и в последнее время проявляют все больший интерес к участию в обеспечении безопасности региона. Укрепление влияния в Центральной Азии важно для Вашингтона также в связи с его решением оставить в Афганистане свои войска для нейтрализации там исламистской угрозы. В конце августа в Ташкенте побывал помощник Госсекретаря США по делам Южно-Азиатского и Центрально-Азиатского регионов Д. Розенблюм, а в Душанбе – глава Центрального командования США генерал Ллойд Дж. Остин III. В обеих центральноазиатских странах речь шла о региональной безопасности и ситуации в Афганистане.

26 сентября по инициативе Вашингтона на полях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась встреча Госсекретаря США Д. Керри с министрами иностранных дел пяти центральноазиатских стран, по итогам которой американская сторона заявила об установлении с этими странами «нового формата взаимодейст-

¹ Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – www.un.org; www.unodc.org-сайт ООН (Дата обращения: 12.12.2018.)

вия для обсуждения региональных вопросов». Как отмечали СМИ, на встрече речь шла о совместных действиях по нейтрализации новых вызовов в области безопасности и развитию экономических связей¹.

«Презентация» этого «нового формата взаимодействия», или «C5+1» (республики Центральной Азии плюс США), прошла в Самарканде в рамках турне Д. Керри по странам региона в начале ноября 2015 г. Здесь состоялась встреча Госсекретаря США с министрами иностранных дел всех пяти стран региона. Первый визит главы внешнеполитического ведомства США в республики ЦА свидетельствовал об очередном повышении интереса Вашингтона к этому региону. По итогам встречи была принята Совместная декларация, в которой стороны заявили о готовности проведения регулярных контактов в данном формате и о том, что шесть стран будут способствовать привлечению иностранных инвестиций в регион, развитию местного предпринимательства, региональной торговле, инфраструктуре, экономическому развитию и энергетическим связям.

По сути, формат «C5+1» представляет собой попытку интегрировать все республики региона под патронажем США. Таким образом, создается конкуренция интеграционным объединениям стран ЦА с Россией и Китаем, что свидетельствует о стремлении Вашингтона ограничить влияние РФ и КНР в ЦА. Характерно, что свое турне Госсекретарь США начал с Киргизстана, тесно сотрудничающего с РФ по военной линии. На встрече с президентом республики А. Атамбаевым Керри предложил подписать новое военное соглашение с США, хотя и дал понять, что Вашингтон не планирует создание военной базы на территории республики.

В Таджикистане, которому Вашингтон наряду с Узбекистаном ранее направил предложение примкнуть к антитеррористической коалиции, Госсекретарь США пообещал поддержку в охране границы и решении вопроса дефицита электроэнергии. Особая роль Узбекистана для Соединенных Штатов была подчеркнута уже тем, что встреча в рамках «C5+1» состоялась именно в этой республике. Что касается Туркменистана, то в последнее время в позиции Ашхабада все более явно прослеживается ориентация на США. Еще весной 2015 г., когда началось наступление талибов на Севере Афганистана и появилась информация о присутствии там

¹ Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – www.un.org; www.unodc.org-сайт ООН (Дата обращения: 12.12.2018.)

боевиков ИГИЛ, Ашхабад обратился в Вашингтон с официальной просьбой о военной помощи и получил на нее положительный ответ.

Президент республики Г. Бердымухамедов проигнорировал октябрьский саммит СНГ, на котором была принята концепция военного взаимодействия стран Содружества, направив туда вместо себя премьер-министра. В это же время туркменская делегация во главе с министром иностранных дел РТ Р. Мередовым находилась в США, где вела переговоры о предоставлении американской помощи на обеспечение безопасности границы с Афганистаном. По итогам переговоров американская сторона заявила, что США планируют углублять отношения с Туркменистаном.

В числе факторов, обусловивших поворот Ашхабада в сторону Вашингтона, важную роль играют нефтегазовые интересы республики. С одной стороны, действует ставшее традиционным недовольство Ашхабада сотрудничеством с Россией в области экспорта туркменского газа и давлением со стороны российского «Газпрома». Кроме того, руководство Туркменистана обеспокоено ростом военной активности РФ на Каспии. Российский политолог А. Дубнов не исключает, что туркменские власти были недовольны несогласованными с ними ракетными ударами из акватории Каспия по Сирии¹.

В итоге можно констатировать следующее.

Во-первых, существует реальная угроза со стороны ИГИЛ для стран Центральной Азии. Эта угроза, идущая с южных границ СНГ, представляет опасность для национальных интересов России. На ее предотвращение направлены решения октябрьского саммита СНГ в Казахстане.

Во-вторых, Россия готова взять на себя дополнительную ответственность за обеспечение безопасности в Центральной Азии, что находит отражение в росте ее военной помощи в рамках ОДКБ.

В-третьих, необходимым условием эффективности противостояния террористической угрозе является усиление взаимодействия самих стран региона в области безопасности.

В-четвертых, отсутствие должного уровня этого взаимодействия предоставляет Соединенным Штатам возможность включиться в интеграционные процессы в ЦА, при этом их главной опорой здесь может стать Туркменистан.

¹ Дубнов А. Геополитика постмодерна. – М., 2015.

В заключение хотелось бы отметить успешность реализуемых военных проектов в рамках указанных организаций. В то же время основным инструментом противодействия должны стать идеологический и информационный отпор терроризму, развенчание привлекательности идей псевдорелигиозных организаций в глазах молодежи России и стран Центрально-Азиатского региона, образовательные проекты по изучению основ и культуры традиционных религий.

Литература

1. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Россия – антитеррор. www.antiterror.ru – Национальный портал противодействия терроризму (Дата обращения: 12.12.2018.)
2. Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами. [Электронный ресурс]. – www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015 (Дата обращения: 12.12.2018.)
3. Арифханов Ш. Центральная Азия: Настоящее и будущее. Ташкент, 2015.
4. Анненков В.И. Международная безопасность, геополитические и военно-политические аспекты современности. Статья. М.: Русавия, 2017.
5. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – www.un.org; www.unodc.org-сайт ООН (Дата обращения: 12.12.2018.)
6. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – www.un.org; www.unodc.org-сайт ООН (Дата обращения: 12.12.2018.)
7. Дубнов А. Геополитика постмодерна. М., 2015.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

Ниязи А.,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья
(Институт востоковедения РАН)

МИР, СНГ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИЗМЕРЕНИЯХ ИНДЕКСА ГОЛОДА

Аннотация. Статья посвящена проблеме голода в странах Центральной Азии в сравнении с ситуацией в других странах мира. Автор приводит различные статистические данные и результаты исследования проблемы голода международными организациями. Дается анализ причин, приводящих к проблеме голода среди населения планеты.

Ключевые слова: глобальный индекс голода; продовольственная безопасность; Центральная Азия; страны СНГ; ООН.

В конце 2017 г. был опубликован очередной доклад Международного исследовательского института продовольственной политики (IFPRI) «Глобальный индекс голода 2017: голод и неравенство»¹. Индекс GHI (Global Hunger Index) отражает степень хронического недоедания в различных регионах и странах мира за исключением наиболее благополучных государств с развитой экономикой². Последнее обследование охватывает 119 стран. Индекс рассчитан на основе четырех показателей: доли голодающего населения (хронически недоедающего), доли детей в возрасте до пяти лет, имеющих низкий вес вследствие острого недоедания, доли детей в возрасте до пяти лет, имеющих задержки в развитии из-за хронического недоедания, а также показателя смертности детей до пяти лет. Страны ранжируются по 100-балльной шкале, где 0 – лучший результат, 100 – наихудший. Последние результаты исследования датируются в основном 2016 г., некоторые 2012–2014, 2015 и началом 2017 г.

В докладе отмечается, что в целом в мире в 2017 г. по сравнению с 2000 г. уровень голода снизился на 27%. Улучшение за этот период произошло по всем четырем показателям GHI. Недоедающих к 2017 г. насчитывалось 13% в отличие от 18,2% в 2000 г. Количество детей с низким весом снизилось с 9,9 до 9,5, с задержкой роста с 37,7 до 27,8%. Детская смертность сократилась с 8,2 до 4,7%³.

Тем не менее серьезные проблемы с питанием жителей планеты сохраняются, во многих странах далеки от решения, а в некоторых серьезно обострились. В первую очередь это связано с войнами и конфликтами, экологическими бедствиями, социальным неравенством, неэффективной политикой властей. Довольно часто такие факторы тесно переплетены, взаимно усугубляют друг друга. Так, в 2016 г. количество жителей Земли, страдающих от голода, увеличилось до 815 млн человек: это больше, чем было в 2015 г. (777 млн), хотя меньше, чем в 2000 г. (около 900 млн). С критическим уровнем отсутствия продовольственной безопасности столкнулись более 100 млн человек, хотя годом ранее их было меньше – 80 млн. Положение дел в области продовольственной безопасности заметно ухудшилось в ряде стран Африки к югу от Сахары, Юго-Восточной и Западной Азии. Причем самое серьезное ухудшение ситуации имело место в зонах, затронутых войнами, на-

сильственными конфликтами и внутренней борьбой, где к тому же их воздействие усугубилось засухами, наводнениями и другими экологическими катастрофами. В начале 2017 г. ООН заявила о том, что свыше 20 млн человек находятся на грани голода в четырех странах мира: Нигерии, Сомали, Южном Судане и Йемене. Вспышки голода в них достигли экстремальных уровней. Голод был официально объявлен в ряде районов Южного Судана. При этом ухудшение положения дел в области продовольственной безопасности было отмечено и в странах с более спокойными условиями, в первую очередь в тех, где спад экономики привел к потере валютной выручки и налоговых поступлений, что негативно сказалось как на наличии импортного продовольствия, так и роста цен на него. Снизившиеся цены на нефть и минеральные ресурсы ограничили потенциал ряда правительств в субсидировании базовых потребностей граждан и поддержки бедных домохозяйств за счет программ социальной защиты. И в мирных, и в военных условиях доступ к продовольствию сузился прежде всего для бедных слоев населения, сельских жителей, беженцев, женщин и детей⁴.

Кроме того, за последние десять лет увеличилось число конфликтов в странах, в которых уже наблюдались тяжелые формы отсутствия продовольственной безопасности, и там, где насилие в первую очередь проявляется в сельских районах, что негативно сказывается на производстве и наличии продовольствия. В наибольшей степени новая вспышка конфликтов затронула страны Африки и Ближнего Востока, где на фоне социально-экономической неустойчивости и низкого потенциала реагирования на чрезвычайные ситуации разразились продовольственные кризисы. Зачастую они были вызваны климатическими потрясениями и как следствие – борьбой за водно-земельные ресурсы. Хуже всего с питанием ситуация обстоит в Центрально-Африканской Республике. В этом государстве голодает более половины населения – 50,9% граждан, причем улучшения с 1992 г. там фактически не наблюдается.

Ситуацию в постсоветских государствах в целом можно охарактеризовать как некритическую, за исключением Таджикистана. Все они, начиная с 1992 г., добились заметного прогресса в сокращении масштабов недоедания, так же как и страны Восточной Европы, но в Центральной Азии проблемы голода и недоедания еще требуют серьезных усилий по их решению. Ниже приводятся рейтинги стран этого региона по глобальному индексу

голода, а также рейтинги других государств для сравнительного анализа.

Рейтинги по расчетам глобального индекса голода из 119 стран мира⁵

Рейтинг	Страны	Годы			
		1992	2000	2008	2017
		Баллы			
*	Белоруссия	–	<5	<5	<5
*	Куба	10,5	5,3	<5	<5
*	Украина	–	13,7	<5	<5
21	Казахстан	–	11,3	10,9	5,8
22	Российская Федерация	–	10,5	6,8	6,2
29	Китай	25,9	15,8	11,2	7,5
30	Иран	17,5	13,6	8,7	7,6
40	Киргизская Республика	–	19,7	13,4	9,3
52	Туркменистан	–	21,9	16,5	12,2
54	Узбекистан	–	23,8	16,1	13,1
96	Таджикистан	–	41,8	32,6	28,7
100	Индия	46,2	38,2	35,6	31,4
107	Афганистан	50,2	52,7	37,9	33,3

* – страны входят в лидирующую группу из 14 государств, объединенных общим, самым высоким рейтингом. См. ссылку 5.

В группу по шкале индекса 2017 г. до 10 баллов (43 страны), означающую низкий уровень голода, попали Казахстан и Киргизия. Положение дел как с экономикой, так и с питанием в Казахстане всегда оставалось на более высоком уровне по сравнению с другими центральноазиатскими республиками. В наследие от Советского Союза стране достались наиболее мощная индустриальная база и неплохие агропромышленные ресурсы региона. С конца 90-х по 2017 г. Казахстан продемонстрировал снижение уровня хронического недоедания почти в 2 раза. В основном улучшение с питанием его граждан наблюдалось с 2008 по 2017 г. Во многом это было связано с экономическим подъемом, сельскохозяйственной и продовольственной политикой властей. По рейтингу глобального индекса голода 2017 г. ему удалось опередить Россию, заняв 21-е место. Россия оказалась на 22-м, хотя в 2000 г. по рейтингу ГНИ она находилась выше Казахстана.

Неплохие показатели уменьшения количества страдающих от хронического недоедания граждан имеет Киргизская Республи-

ка. Улучшение в этом направлении происходило на фоне медленного незначительного восстановления экономики после глубокой экономической рецессии, вызванной радикальными неолиберальными реформами 90-х годов. Серьезный урон социально-экономическому развитию нанесли массовые насильственные конфликты и периоды политической нестабильности. По классификации Всемирного банка, КР входит в группу стран с низким уровнем дохода и дефицитом продовольствия⁶. Тем не менее Киргизии удалось достичь прогресса в преодолении голода – 40-е место по рейтингу GHI. Во многом это связано с усилиями государства в этом направлении и международной помощью.

Государственные расходы на социальные нужды в республике чуть выше, чем в России, примерно в 2 раза превышают такие в Казахстане⁷. Республике оказывается помощь таких систем ООН, как Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), ООН-Женщины, Программа развития ООН (ПРООН). При поддержке этих и других международных организаций осуществляются специальные проекты, направленные не просто на предоставление продовольственной помощи, а в первую очередь на возрождение сельского хозяйства, повышение устойчивости аграрного сектора и продовольственной системы к внешним воздействиям, решение и предотвращение конфликтов на почве борьбы за водно-земельные ресурсы. В частности, в Киргизии осуществляется программа Фонда миростроительства ООН (ФМС) в рамках проекта Всемирной продовольственной программы (ВПП) по предоставлению продовольственной помощи в обмен на создание производственных активов, развитие потенциала сельского хозяйства в районах высокой конфликтогенности из-за антропогенного воздействия на трансграничные водно-земельные ресурсы⁸. В районах, где возникали порой кровопролитные столкновения таджиков и киргизов, теперь совместно восстанавливаются и используются оросительные каналы, решаются вопросы совместного управления пастбищами и плодородными территориями.

Следует отметить, что очень значительную роль в укреплении продовольственной безопасности и снижении уровня недоедания в Казахстане и Киргизии играет их членство в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Казахстан и Киргизия пользуются льготами при закупке и транспортировке продовольствия из государств Союза. Для РК много выгод дает общая граница с Россией,

для Киргизской Республики также очень важны упрощенные правила пребывания трудовых мигрантов в России и отправляемые домой их заработки, которые в среднем оцениваются в 30% ВВП страны.

Почти на одном уровне по рейтингу индекса голода расположены Туркменистан – 52-е место и Узбекистан – 54-е место. Их рейтинг GHI рассчитывался по показателям 2014–2016 гг. Следует учитывать, что Узбекистан в 2016–2017 гг. продемонстрировал ускоренный рост социально-экономического развития, которому предшествовал долгий стабильный период укрепления базовых отраслей промышленности и сельского хозяйства, а также сокращения доли голодающих и недоедающих. В 1999–2001 гг. голодающие (хронически недоедающие) составляли 16,4% от всего населения Узбекистана, в 2007–2009 гг. – 10,2, в 2014–2016 гг. – 6,3%. В Туркменистане, напротив, ситуация с сокращением доли голодающих оказалась нестабильной: в 1999–2001 гг. они составляли 8,2% от всего населения, в 2007–2009 гг. – 4,5, а в 2014–2016 гг. – 5,5%⁹. Хотя в процентном соотношении за период 1999–2016 гг. в Туркмении голодающих было меньше, иногда намного, нежели чем в Узбекистане, последнему удалось значительно сократить их долю за последние годы, в то время как она возросла в Туркменистане. Продовольственный кризис, вызванный ажиотажным спросом на основные виды продуктов первой декады 2018 г. в этой республике, оказался следствием нерасторопности властей по его предотвращению. Неурожай 2017 г. обострил проблему продовольственной безопасности. Отчасти такая ситуация связана с сырьевой экспортно-ориентированной направленностью экономики страны, недостаточным вниманием к агропромышленному комплексу в угоду развития газовой отрасли, ростом цен, сокращением социальной поддержки, сложными природно-климатическими условиями. Тем не менее Туркменистан обладает большими возможностями, чтобы справиться с трудностями в области питания граждан, принимая во внимание, что население республики не так велико, как, например, в Узбекистане.

Намного сложнее ситуация в Таджикистане, занявшем в рейтинге GHI 96-е место. По индексу голода, он расположился между Мали и Танзанией. Согласно оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), в республике страдают от недоедания 30,1% населения – 2,6 млн человек¹⁰. Огромный урон экономике страны нанесла гражданская война 1992–1997 гг., но за 20-летний период послевоенного вос-

становления, сопровождавшегося весомой международной помощью, Таджикистану не удалось достичь сколько-нибудь существенных достижений в промышленности, сельском хозяйстве и социальном секторе. Количество хронически недоедающих граждан сокращается медленно и незначительно. В 1999–2001 гг. они составляли 42,4% от всего населения РТ, в 2007–2009 гг. – 38,6, в 2014–2016 гг. – 30,1%¹¹. Причины такого положения дел кроются, прежде всего, в неграмотной экономической политике, дефиците квалифицированных хозяйственников, высоком уровне коррупции. Этнорегиональная система управления государством, переросшая в семейно-клановую, оказалась в Таджикистане неэффективной, хотя подчас в ряде стран Востока она вела к социально-экономическому и культурному прогрессу. Сказывается и сокращение денежных переводов от трудовых мигрантов в связи с новыми правилами их пребывания в России. Так как Таджикистан не является членом ЕАЭС, для его граждан они сложнее и затратнее, чем для трудящихся из стран Экономического союза.

В регионе Европы и Центральной Азии (ЕАЦ) Таджикистан занимает самое последнее место по доле недоедающих и по результатам преодоления неполноценного питания. В целом в регионе ЕАЦ в 2014–2016 гг. от тяжелых форм отсутствия полноценного питания страдали 14,3 млн человек, из них в Центральной Азии около 5,6 млн. При этом, как отмечается в докладе ФАО, вслед за впечатляющим прогрессом, достигнутым в предыдущие годы, последнее время в регионе наблюдается стагнация. Показатели распространенности недоедания в странах Центральной Азии остаются практически без изменений, так же как и на Кавказе. Наиболее важным препятствием на пути обеспечения продовольственной безопасности в регионе является бедность¹².

Россия по показателям доли голодающих граждан и темпам их сокращения в последние годы добилась значительных результатов. В 1999–2001 гг. хронически недоедающие составляли 5,1% от всего населения РФ, в 2007–2009 гг. – 1,4, в 2014–2016 гг. – 0,9%. Хотя в рейтинге индекса голода она ненамного уступила Казахстану, общие показатели у нее оказались лучше. Учитывая успехи Российской Федерации, достигнутые в сельском хозяйстве и продовольственном импортозамещении в 2016–2017 гг., можно прогнозировать дальнейшую стабильность ее продовольственной безопасности.

По итогам обследований 2014–2016 гг., наилучшие показатели по Глобальному индексу голода среди стран СНГ оказались

у Белоруссии и, как ни удивительно, у Украины. Они вошли в наиболее успешную категорию 14 наименее голодающих из 119 стран. Судя по всему, Украина получила высокую оценку, имея солидный запас прочности в производстве продуктов и торговле с Россией, накопленный в предыдущие годы. Но он быстро иссяк в 2017 г. Теперь специалистами ФАО и Всемирной продовольственной программы страна отнесена к разряду государств, в которых отмечается нехватка продовольствия¹³. Угроза продовольственной безопасности резко возросла в 2017 г. в связи с продолжающимся вооруженным конфликтом, неэффективностью управления, истощением запасов продовольствия, ростом цен, высоким уровнем коррупции и ощутимым снижением социальной поддержки граждан.

В целом по миру вооруженные конфликты и насилие являются главной причиной страдания людей от голода. Из вышеприведенной таблицы видно, насколько тяжела ситуация в многострадальном Афганистане. В некоторых его районах хронически недоедающих насчитывается до 70%. Наилучшие показатели борьбы с голодом, как правило, демонстрируют страны с эффективными институтами власти, экономического распределения и планирования, низкой коррупционной составляющей и развитой социальной сферой. Примером тому в СНГ, как видим, является Белоруссия. Китай за последние десятилетия добился впечатляющего сокращения бедности и, соответственно, голодающих граждан. При этом государство может быть небогатым и ощущать экономический прессинг со стороны внешних сил, что прекрасно демонстрирует Куба. Ирану, прошедшему многолетнюю войну с Ираком и находившемуся под санкциями, удалось сохранить социальную систему поддержки малоимущих и нуждающихся, стабильность в сокращении числа голодающих. В то же время, как показывает пример Индии, ускоренный экономический рост не обязательно влечет успешное сокращение бедности и числа голодающих.

¹ Доклад подготовлен IFPRI совместно с благотворительными организациями Welthungerhilfe (Помощь голодающим мира) и Concern Worldwide (Всемирная обеспокоенность). Форма, рекомендованная редакцией издания для ссылки: K. von Grebmer, J. Bernstein, N. Hossain, T. Brown, N. Prasai, Y. Yohannes, F. Patterson, A. Sonntag, S.-M. Zimmermann, O. Towey, C. Foley. 2017.

2017 Global Hunger Index: The Inequalities of Hunger. Washington, DC: International Food Policy Research Institute; Bonn: Welthungerhilfe; and Dublin: Concern Worldwide.

2 Термин «голод» используется международными организациями как синоним термина «хроническое недоедание». «Недоедание» – длящееся не менее одного года состояние, характеризующееся невозможностью получать достаточное количество пищи для удовлетворения потребности в энергии, поддержания нормальной, активной, здоровой жизни.

3 2017 Global Hunger Index. P. 5, 11. Общепризнанное улучшение в 27% рассчитано по четырем объединенным показателям GHI за 2012–2016 гг.

4 Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2017. Повышение устойчивости к внешним воздействиям в целях обеспечения мира и продовольственной безопасности. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. Рим, 2017 г. С. vi, vii, 4, 5, 30. Доклад подготовлен совместными усилиями Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР), Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Всемирной продовольственной программы (ВПП) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

5 Таблица составлена на основе: 2017 Global Hunger Index. Table 2.1 GLOBAL HUNGER INDEX SCORES BY RANK, 1992 GHI, 2000 GHI, 2008 GHI, AND 2017 GHI. P. 13. – означает отсутствие репрезентативных данных по отчету 1992. Они не представлены по постсоветским странам за время их нахождения в СССР, т.е. по 1991 г. <5 означает менее 5 баллов, что говорит о незначительном уровне голода. По отчету 2017 г., в такую верхнюю категорию вошли 14 стран – Беларусь, Босния и Герцеговина, Чили, Хорватия, Куба, Эстония, Кувейт, Латвия, Литва, Черногория, Словакия, Турция, Украина и Уругвай. Эти государства объединены по единым параметрам и в рейтинге страны расположены по алфавиту без точного указания места – все страны равны и находятся на 1–14 местах. Из-за отсутствия данных в доклад не включены: Бахрейн, Бутан, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Катар, Коморские острова, Ливия, Папуа Новая Гвинея, Сирийская Арабская Республика, Сомали, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Южный Судан.

6 <https://data.worldbank.org/country/kyrgyz-republic> (Дата обращения: 15.03.2017.) В эту же группу были включены Узбекистан и Таджикистан.

7 The State of Food Security and Nutrition in Europe and Central Asia 2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Budapest, 2017. FIGURE 10. Public spending on social assistance programmes, % of GDP. P. 20. Данные в докладе приводятся по источнику: World Bank. 2017b. ASPIRE database. Доступен на: <http://datatopics.worldbank.org/aspire/> Washington, D.C. Киргизия осуществила значительный прогресс в восстановлении социальной помощи по сравнению с 90-ми годами, когда социальные расходы резко сократились.

8 WFP. 2016. UN PBSO/PBF cross-border cooperation for sustainable peace and development mid-term progress report (Dec 2015-Oct 2016). WFP Country Office in the Kyrgyz Republic.

- ⁹ 2017 Global Hunger Index. DATA UNDERLYING THE CALCULATION OF THE 1992, 2000, 2008, AND 2017 GLOBAL HUNGER INDEX SCORES. Proportion of undernourished in the population (%)'91-'93 '99-'01 '07-'09 '14-'16. P. 34–35.
- ¹⁰ The State of Food Security and Nutrition in Europe and Central Asia 2017. P. 5.
- ¹¹ 2017 Global Hunger Index. P. 35.
- ¹² The State of Food Security and Nutrition in Europe and Central Asia 2017. P. 5.
- ¹³ <https://regnum.ru/news/2373553.html>. 29.01.2018. (Дата обращения: 17.02.2018.)

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Манискалко Дж.,

студентка 2-го курса магистратуры

Института иностранных языков

Российского Университета Дружбы Народов

ТУРЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ АКТОРОВ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ – АЛЬТЕРНАТИВА КУРСУ НА ЕВРОИНТЕГРАЦИЮ.

(Обзор)

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы внешней политики Турецкой Республики и ее роли в евразийском регионе. Особое внимание уделяется причинам и последствиям фактической заморозки переговоров о присоединении Турции к Европейскому союзу, а также политическим альтернативам курсу на европейскую интеграцию.

Ключевые слова: Турция; Большая Евразия; евроинтеграция; евразийство; пантюркизм; неоосманизм; неоисламизм; «поворот на Восток»; треугольник Турция – Россия – Китай; Евросоюз.

В обзоре представлены наиболее часто поднимаемые в современных европейских и турецких научных исследованиях проблемы, касающиеся отношений между Турцией и Европейским союзом, а также «поворота на Восток» в качестве возможной альтернативы евроинтеграционным устремлениям. Рассматриваются различные политико-идеологические обоснования стратегического разворота во внешней политике Анкары, в том числе различные варианты симбиоза идей евразийства, пантюркизма, неоосманизма и неоисламизма. В этом контексте анализируется положение Турции в новом «евразийском» формате, включая непростой баланс соперничества и сотрудничества в отношениях с ключевыми державами Большой Евразии – Россией и Китаем.

1. Поворот «разочарованной» Турции на Восток: Альтернатива «европейской семье»?

Öniş Z., Kutlay M. «Global Shifts and the Limits of the EU's in the European Periphery: Comparative Perspectives from Hungary and Turkey». *Government and Opposition*, 2017. DOI: 10.1017/gov.2017.16

В рассматриваемой статье авторы отмечают факт ослабления позиций Европейского союза на своей периферии, обусловленный существенными сдвигами во внутри- и внешнеполитической ориентации государств этого микрорегиона. Авторы статьи указывают, что ослабление притягательной силы Европейского союза как субъекта нормативной власти способствовало нелиберальному повороту во внутренней политике и усилению националистических настроений внутри турецкой правящей элиты.

Исследователи выделяют следующие факторы утраты доверия Турции к Европейскому союзу и коррекции ее внешнеполитического курса¹:

1. Усиливающийся контраст между финансовым кризисом в ЕС и высокими показателями роста турецкой экономики.

2. Приостановка переговоров о Таможенном союзе Советом ЕС после отказа Анкары подписать Дополнительный протокол, в котором требовалось, чтобы Турция открыла свои порты для судов греков-киприотов.

3. Отсутствие внятной с точки зрения турецкого руководства позиции ЕС в сирийском конфликте, а также брюссельская политика «умиротворения» по отношению к военному повороту в Египте.

4. Миграционный кризис.

Авторы указывают, что с 2010 до 2014 г. экономический рост в еврозоне составил всего лишь 0,7% из-за глобального экономического кризиса. Турции же удалось в этот период обеспечить ежегодные показатели экономического роста на уровне 5,4%. Сам Европейский союз в условиях кризиса оказался глубоко разобщенным, что, разумеется, не способствовало росту доверия Турции к европейскому интеграционному проекту. На этом фоне представители турецкой правящей элиты все чаще заявляли о том,

¹ Öniş Z., Kutlay M. «Global Shifts and the Limits of the EU's in the European Periphery: Comparative Perspectives from Hungary and Turkey». *Government and Opposition*, 2017: 5–9.

что именно Турция способна служить образцом динамичного экономического развития и политической стабильности.

Однако, как отмечают авторы, напряженность в отношениях между Турцией и Европейским союзом началась еще задолго до экономического кризиса. Истоки этой напряженности связаны с неурегулированностью кипрского вопроса. Когда в 2004 г. Республика Кипр присоединилась к ЕС, Турции было предложено подписать Дополнительный протокол к Договору о Таможенном союзе с ЕС. В соответствии с этим протоколом Турция должна была открыть свои порты кипрским судам. По оценке авторов, отказ Турции от подписания Дополнительного протокола был связан с тем, что ЕС не выполнил свои обещания улучшить положение турок-киприотов, разрешив прямую торговлю с северной частью острова. Между тем на референдуме 2004 г. 65% участвовавших в голосовании турок-киприотов проголосовали за реализацию «Плана Аннана». Однако «вознаграждение» от Евросоюза получили именно греки-киприоты, проголосовавшие в своем большинстве против «плана Аннана».

В числе других факторов обострения отношений между Турцией и ЕС следует упомянуть принятие репрессивных мер после попытки военного переворота 15 июля 2016 г. Фактически под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана внутренняя политика Турции оказалась полностью независимой от установок и норм Евросоюза. Опасения, высказанные Брюсселем после попытки переворота, были интерпретированы Анкарой как нелегитимное вмешательство во внутренние дела, доходящее до едва ли не плохо скрываемого одобрения намерений организаторов переворота. После провала переворота и конституционного референдума 2017 г. позиции президента Эрдогана укрепились, но выглядело это так, что концентрация власти в его руках явно происходит вопреки желанию лидеров Евросоюза.

Авторы также предполагают, что потеря доверия Турции к ЕС была вызвана европейской политикой «умиротворения» в странах «арабской весны», а также бездействием Брюсселя в сирийском кризисе. В частности, Эрдоган раскритиковал ЕС за его бездействие в отношении государственного переворота в Египте и заявил, что на Ближнем Востоке ЕС проводит неэффективную политику.

Еще одним важным фактором усиления евроскептицизма в Турции стал кризис с беженцами, тесно связанный с сирийским конфликтом. Отсутствие солидарности между странами – членами

Европейского союза не позволило достичь консенсуса по данному вопросу. В свою очередь, это вызвало острую критику со стороны Турции, которая оказалась одним из основных направлений миграции сирийских беженцев. Турецкое руководство обвинило ЕС в нерешительности в приеме мигрантов и их равномерном распределении внутри стран – членов Евросоюза, т.е. в готовности пожертвовать европейскими ценностями и нормами в угоду национальным интересам. В 2015 г. президент Эрдоган возложил прямую ответственность на страны ЕС «за смерть каждого беженца в Средиземноморье». По сути дела, Эрдоган использовал вопрос о беженцах для того, чтобы консолидировать базу своей поддержки внутри страны, продемонстрировав моральное превосходство над ЕС.

Обращаясь к внешней политике Турции, авторы подчеркивают, что она имеет многовекторный характер. Анкара активизировала поиск новых, более привлекательных партнеров. В их числе – страны БРИКС, предлагающие нелиберальную модель экономической политики, основной принцип которой состоит в обеспечении лидирующей роли государства как основного драйвера экономического роста. Наиболее ярким и убедительным примером успеха этой экономической модели служит Китай. Авторы отмечают, что достижения стран БРИКС и их альтернативной модели экономического развития оказались достаточно привлекательными для многих в Турции. С этим связаны и заявления ряда турецких руководителей о возможном отказе от переговоров о членстве в ЕС и переориентации на участие Турции в Шанхайской организации сотрудничества. Разумеется, нельзя забывать и о значительных достижениях в торгово-экономическом сотрудничестве с Российской Федерацией.

В целом можно говорить о комплексе факторов, способствовавших обострению отношений между ЕС и Турцией. Анкара постепенно утрачивает интерес к членству в Евросоюзе; доверие к институтам и лидерам ЕС подвергается все большей эрозии. Китай, Россия и другие страны БРИКС рассматриваются в качестве перспективных партнеров на мировой арене. И хотя на уровне официальной риторики членство в ЕС по-прежнему упоминается в числе политических приоритетов, авторитарный поворот правящей Партии справедливости и развития показывает, что Турция все меньше видит себя внутри «европейской семьи». Привлекательной альтернативой европейской стратегии становится репрезентация Турции как одной из важных держав Большой Евразии.

2. Переплетение идей евразийства, пантюркизма, неоосманизма и неоисламизма во внешней политике Турецкой Республики в рамках ее поворота на Восток

Armstrong W. «Eurasianism in modern Turkey». Hurriyet Daily News. 2017. Режим доступа: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/william-armstrong/eurasianism-in-modern-turkey-113224>

Torbakov I. «Neo-Osmanism versus Neo-Eurasianism?». Utrikes Magasinet. 2017. Режим доступа: <http://www.utrikesmagasinet.se/analyser/2017/januari/neo-ottomanism-vs-neo-eurasianism/>

Такие концепции, как неоосманизм, панисламизм, пантюркизм и евразийство, возникли либо вернулись к жизни в Турции после окончания «холодной войны». Будучи значимыми составляющими политического дискурса современной Турции, они в той или иной мере используются для разработки внешнеполитических стратегий, направленных на укрепление влияния Турции на международной арене, обеспечение статуса региональной державы посредством использования инструментов так называемой «мягкой силы».

В статье живущего в Турции политического обозревателя У. Армстронга евразийство характеризуется как националистическая, антизападная и пророссийская идеология. Ее развитие после завершения «холодной войны» отразило кризис национальной идентичности, с которым Турция столкнулась в тот период. Данная концепция рассматривает позицию Турции через призму гегемонизма, придавая ей роль региональной державы. Автор указывает, что на сегодняшний день евразийство в политическом спектре Турции представлено главным образом установками лево-националистической партии «Ватан» и ее лидера Догу Перинчека.

Согласно оценке старшего научного сотрудника Института российских и евразийских исследований (г. Упсала, Швеция) Игоря Торбакова, установки турецкой версии евразийства периода 1990-х годов отчасти совпадали с политическим курсом бывшего президента Тургутта Озала в отношении региона Центральной

Азии¹. По сути дела, такая версия евразийства была близка к концепции пантюркизма, направленной на укрепление культурного и политического единства между всеми тюркоязычными народами. Как известно, идеология пантюркизма интенсивно развивалась в начале XX в. как в Османской империи, так и на территориях, находившихся под контролем Российской империи. После создания Турецкой Республики и вхождения республик Средней Азии в состав СССР пантюркизм утратил свое влияние, но, разумеется, сохранилась языковая и культурная идентичность тюркских народов. После распада СССР эти общие культурные и религиозные узы стали основой для установления более тесных связей между Турцией и новыми независимыми тюркоязычными государствами Центральной Азии и Южного Кавказа. Для последних особые отношения с Турцией были способом укрепить шаткое экономическое положение и при посредстве Анкары наладить устойчивое взаимодействие с Западом². Политическим элитам тюркоязычных постсоветских государств также было необходимо найти политико-идеологическую альтернативу марксизму-ленинизму. Турция в данном контексте рассматривалась как пример парламентской демократии, основанной на западных стандартах, по крайней мере, с формальной точки зрения. Кроме того, проведение либеральных экономических реформ посредством сокращения вмешательства государства в экономику и приватизации совпадали с экономическими потребностями этих стран.

Еще одним значимым фактором укрепления позиций Турции как в тюркоязычном ареале, так и за его пределами является ислам. Анкара, в частности, финансирует во многих зарубежных странах открытие и функционирование исламских институтов, реставрацию старых и открытие новых мечетей. До определенной степени турецкий панисламизм может рассматриваться как дополнение к пантюркизму. Но здесь обнаруживаются и расхождения. В частности, политическая ностальгия по Османской империи (неоосманизм) акцентирует религиозный фактор как фундамент имперского единства различных этносов. Во внешней политике современной Турции элементы неоосманизма и панисламизма находят выраже-

¹ Torbakov I. «Neo-Osmanism versus Neo-Eurasianism?». *Utrikes Magasinet*. 2017. Режим доступа: <http://www.utrikesmagasinet.se/analyser/2017/januari/neo-ottomanism-vs-neo-eurasianism/>

² Zola M. «Le cinque repubbliche post-sovietiche dell'Asia Centrale». URL: <http://www.eastjournal.net/archives/6059> (Дата обращения: 05.03.2018.)

ние в особом ближневосточном векторе, а также в стремлении правящей партии развивать тесное сотрудничество с суннитскими государствами, входившими прежде в состав Османской империи. Довольно противоречивый вклад в развитие современного неоосманизма внес бывший премьер-министр и видный теоретик геополитики Ахмет Давутоглу. Дистанцируясь от неоосманизма на словах, Давутоглу вместе с тем делал значимые заявления, близкие к неоосманизму по духу. Пытаясь снять подозрения арабских соседей, он говорил об отсутствии у Турции скрытой региональной повестки и о том, что отношения между Турцией и арабскими странами определяются не гегемонией, а взаимным сотрудничеством. Но он же в 2009 г. в официальной речи назвал турок «новыми османами»¹, ссылаясь на османское наследие. Это заявление Давутоглу означало серьезный отход от провозглашенного Ататюрком в десятую годовщину провозглашения Турецкой Республики понимания турецкой идентичности «Счастлив тот, кто говорит “Я – турок!”» (Ne mutlu Turkum diyene!), и – тем более – от подчеркнуто проевропейской трактовки, сформулированной бывшим премьер-министром Турции Тансу Чиллер: «Счастлив тот, кто говорит “Я – гражданин Турции!”»².

Как отмечает У. Армстронг, фундаментальными постулатами современного неоосманизма являются османское историческое наследие, суннитская мусульманская идентичность и бывшие османские территории. В целом, однако, можно говорить о ситуации переплетения и даже синкретизма различных подходов, где в разных пропорциях варьируются наднациональный, религиозный, имперский (османский) и этнический компоненты. Акцентирование того или иного из них во внешней политике Турции, как правило, преследует цель распространить влияние Анкары в важных для нее регионах.

¹ «Osmanlı'dan kalan bir mirasımız var. Yeni Osmanlı diyorlar. Evet, Yeni Osmanlı'yız». (У нас осталось османское наследие. Нас называют новыми османами. Да, мы – новые османы). «Davutoğlu'ndan 'Yeni Osmanlı' yalanlaması». CNN Türk, 2009. <https://www.cnnturk.com/2009/dunya/11/25/davutoglundan.yeni.osmanli.yalanlamasi/553078.0/index.html>

² Ince B. «Citizenship and Identity in Turkey: From Atatürk's Republic to the Present Day». London: IB Tauris. 2012: 2 p.

3. Баланс сотрудничества и соперничества внутри треугольника Турция – Россия – Китай

Akilli E. «Turkey's Illusions of Neo-Eurasianism and Interest in Shanghai Cooperation Organization». CESRAN International. 2013. <https://cesran.org/turkeys-illusions-of-neo-eurasianism-and-interest-in-shanghai-cooperation-organization.html>

Öniş Z., Yılmaz Ş. «Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region». *Third World Quarterly*. 2015. DOI: 10.1080/01436597.2015.1086638

Öniş Z. «The age of anxiety: the crisis of liberal democracy in a post-hegemonic global order». *The International Spectator*. 2017: p. 5. <https://doi.org/10.1080/03932729.2017.1325133>

Заявление президента Эрдогана о заинтересованности Турции в членстве в Шанхайской организации сотрудничества, а также о присоединении к Евросоюзу перестает быть безусловным императивом внешней политики Анкары. Это стало признаком турецкого «поворота на Восток». Разумеется, переговоры с Брюсселем остаются в политической повестке; с точки зрения экономического сотрудничества Европейский союз остается основным партнером Турции. Интерес Анкары к ШОС обусловлен тем, что одни члены этой организации расположены в географическом ареале пантюркистской политической стратегии, а другие являются одновременно и партнерами, и соперниками в гонке за лидерство в регионе Большой Евразии. Самые крупные страны – члены ШОС – Россия и Китай – способны предложить Турции перспективу выгодного стратегического партнерства.

Отношения Турции и России в условиях меняющегося мирового порядка рассматриваются в статье З. Ониша и Ш. Йылмаз¹. Авторы отмечают, что, несмотря на различие интересов (например, в рамках сирийского конфликта), Турция и Россия демонстрируют общность подходов с геополитической точки зрения, поскольку обе страны проводят все более решительную внешнюю политику. Кроме того, разногласия и напряженность в двусторон-

¹ Öniş Z., Yılmaz Ş. «Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region». *Third World Quarterly*. 2015. DOI: 10.1080/01436597.2015.1086638

них отношениях не помешали им установить взаимовыгодные торговые связи. Однако в данный момент чрезвычайно сложно выстроить систему полноценного политического сотрудничества между Турцией и Россией в силу действия целого ряда факторов. В качестве примера авторы приводят Организацию Черноморского экономического сотрудничества, в рамках которой Турции и России не удается договориться об общих нормах из-за принадлежности этих стран к различным региональным блокам. Препятствием к полноценному сотрудничеству являются и диспропорции между двумя странами по показателям экономической мощи. С 1990-х годов сохраняется инерция геополитического соперничества России и Турции в Центрально-Азиатском регионе. Наконец страны занимают практически противоположные позиции в Нагорно-Карабахском конфликте: Турция поддерживает Азербайджан, тогда как Россия, по оценке авторов, выступает на стороне Армении.

Авторы статьи полагают, что Турция не может радикально дистанцироваться от ЕС и Запада, выбирая в качестве альтернативы развитие отношений с Россией и другими странами, не входящими в западные альянсы. По их мнению, Анкара не готова проводить политику, полностью независимую от ЕС и США. Она не в состоянии в одиночку решить региональные проблемы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, подтверждением чему служат события «арабской весны» и сирийский конфликт.

Партнером и одновременно соперником Турции также является Китай, взявший на себя центральную роль в процессе формирования нового экономического мирового порядка, приходящему на смену эпохе доминирования Запада. На смену «вашингтонскому консенсусу» пришел «пекинский консенсус», который привлекателен тем, что предоставляет возможности сотрудничества и ускоренного экономического развития развивающимся странам. Развитие сотрудничества и интеграционных процессов в Большой Евразии создают предпосылки для формирования треугольника Россия – Китай – Турция, отношения внутри которого характеризуются переплетением партнерства и соперничества. В частности, все эти страны имеют свои далеко не совпадающие интересы в Центральной Азии.

Двусторонние отношения между Турцией и Китаем в последнее десятилетие развивались стремительными темпами. Китай не только является важнейшим торговым партнером Турции –

китайская модель экономического развития становится для Турции наиболее привлекательным образцом¹. Вместе с тем турецкое влияние не ограничивается в Центральной Азии постсоветскими государствами. Оно ориентировано также и на Синьцзян-Уйгурский автономный район, значительную часть населения которого составляют исповедующие ислам тюркоязычные уйгуры. Пантюркизм предполагает поддержку уйгурского сепаратизма, подтверждением чего стали события 2015 г. и, в частности, демонстративное сожжение во время Рамадана китайского флага напротив консульства КНР в Стамбуле. Эти проявления, а также присутствие уйгурских выходцев в рядах боевиков ИГИЛ серьезно беспокоят китайское правительство. Тем не менее и Китай, и Турция заинтересованы в развитии связей и сотрудничестве на всех уровнях².

По мнению Э. Акилли, интерес Турции к взаимодействию с ШОС и даже вступлению в эту организацию является результатом проведения политической стратегии Ахмета Давутоглу, тогда как фактически Турция уже не предпринимает серьезных попыток играть активную роль в регионе Центральной Азии³. Скорее, такой подход свидетельствует о дальнейшем развитии многовекторности внешнеполитического курса. При этом сама многовекторность не является изобретением Давутоглу и Эрдогана – этот подход был типичен для Турции на протяжении всего XX в. По мнению Акилли, Турция не может себе позволить отвернуться ни от Востока, ни от Запада, даже если удастся достичь своих целей на одном из этих направлений. Даже в весьма гипотетическом случае достижения полноценного членства в Шанхайской группе Турция в любом случае не будет отказываться от отношений с Евросоюзом. Автор не считает участие в ШОС альтернативой евроинтеграции – он полагает, что такого рода «поворот на Восток» лишь усилит многовекторность политики Анкары.

В целом отношения в треугольнике Турция – Китай – Россия имеют огромный потенциал с политической и экономической

¹ Öniş Z. «The age of anxiety: the crisis of liberal democracy in a post-hegemonic global order». *The International Spectator*. 2017: p. 5. <https://doi.org/10.1080/03932729.2017.1325133>

² Cafiero G., Viala B. «China-Turkey relations grow despite differences over Uighurs». Middle East Institute. 2017. <http://www.mei.edu/content/article/china-turkey-relations-grow-despite-differences-over-uighurs>

³ Akilli E. «Turkey's Illusions of Neo-Eurasianism and Interest in Shanghai Cooperation Organization». CESRAN International. 2013. <https://cesran.org/turkeys-illusions-of-neo-eurasianism-and-interest-in-shanghai-cooperation-organization.html>

точек зрения. Но все же, как полагают авторы рассмотренных статей, восточный вектор не сможет заменить европейское направление во внешней политике страны.

Заключение

В данном обзоре актуальных публикаций были рассмотрены проблемы многовекторности внешней политики Турецкой Республики. Значительный политический вес в Евразии, важнейшая роль в обеспечении региональной безопасности, политической и экономической стабильности на Ближнем и Среднем Востоке, многообразие исторических, культурных и религиозных связей являются факторами проведения напористой внешней политики Анкары. Причудливая амальгама идей пантюркизма, евразийства, неоосманизма и панисламизма также достаточно эффективно используется для обоснования внешнеполитической стратегии.

Нарастающие трудности в процессе евроинтеграции служат дополнительным стимулом «поворота на Восток» и даже побуждают часть турецких политиков призывать к решительному отказу от претензий Турции на членство в ЕС. Однако большая часть турецкого экспертного сообщества все же настаивает на том, что Турция не может себе позволить проведение абсолютно самостоятельного внешнеполитического курса, а региональные конфликты Анкара не сможет разрешить без поддержки США, ЕС и НАТО. В то же время в Большой Евразии функционирует система ограничений и противовесов, предотвращающая доминирование в макрорегионе какой-либо одной державы, даже такой мощной, как Россия или Китай. Признавая многовекторность естественной характеристикой внешней политики Турции, эксперты предостерегают от того, чтобы какой-либо один вектор стал доминирующим, уменьшив тем самым степень свободы стратегического маневрирования для турецкого политического руководства.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

2018.02.006. **Дударев К.П. ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН
НАД САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ** // *Азия и Африка,*
М., 2017, № 11, Азия и Африка сегодня, с. 39–44.

Ключевые слова: Саудовская Аравия; «Видение 2030»; реформы; принц Мухаммед бин Салман.

Дударев К.П.,
востоковед, публицист

В статье автор анализирует радикальные социально-экономические реформы в Саудовской Аравии, целью которых является уменьшение сырьевой зависимости и диверсификация экономики страны. Во введении к статье автор, говоря о первом в истории двух стран визите в Россию саудовского монарха Салмана бен Абдель Азиза Аль Сауда в начале октября 2017 г., отмечает важность данного события и серьезность намерений Саудовской Аравии, о чем свидетельствовал состав и численность государственной делегации – более тысячи человек, включая министров, глав госкорпораций, крупнейших банков и частных фирм. Важнейшим политическим итогом визита стала договоренность глав двух стран развивать и укреплять отношения как на двустороннем, так и на региональном и международном уровнях.

Ставя вопрос, почему такое событие произошло именно сегодня, автор делает вывод о том, что ответ связан с внутренней ситуацией в Королевстве, вставшем на путь радикальных преобразований. Документом, определившим новое направление социально-политического и культурно-нравственного развития, стала программа «Видение 2030», или, как его официально называют, «Стратегия Королевства Саудовская Аравия 2030». Инициатором радикальных преобразований выступил саудовский монарх – король Салман бен Абдель Азиз. По сути, «Видение 2030» – это продолжение реформ, начатых королем Салманом сразу после восшествия на трон в январе 2015 г. В их числе волевое изменение правил престолонаследия, приведшее к руководству страны поколение внуков короля-основателя Абдель Азиза, сокращение государственных субсидий, решение о введении впервые в истории страны налога на добавленную стоимость (НДС), акцизов на табак и другие вредные для здоровья товары, а также сокращение правительственных расходов, ограничение темпов роста заработной платы и различных видов материального поощрения госслужащих.

Уже эти шаги свидетельствовали об отходе от экономической модели, существовавшей на протяжении нескольких десятилетий и основанной на патерналистских принципах субсидирования государством нереально низких цен на бензин, воду и электроэнергию. По этой причине потери бюджета исчислялись десятками миллиардов долларов.

Среди причин реформ автор называет низкие цены последних лет на нефть, которые привели к значительным потерям бюджета КСА. Руководство Саудовской Аравии пришло к выводу, что доходы от экспорта нефти уже не могут служить надежной основой устойчивого экономического развития. Результатом осознания этой истины стало указание короля Салмана Государственному совету по экономике и развитию разработать проект реформ.

Залог успеха стратегии ее авторы видят в международном статусе Саудовской Аравии, являющейся, по их мнению, «сердцем арабского и исламского мира» благодаря находящимся на ее территории святыням в Мекке и Медине. К другим факторам успеха они относят «колоссальный инвестиционный потенциал», а также решимость руководства превратить Королевство «в глобальный торговый узел и врата мира». Основной упор сделан на диверсификацию экономики, увеличение производственного потенциала, повышение доли частного сектора в хозяйственной жизни.

Новое, набирающее силу направление – добыча и переработка полезных ископаемых. Оно основано на наличии в стране таких природных ресурсов, как бокситы, фосфаты, золото, медь, уран (6% мировых запасов) и других.

Наряду с этим правительство намерено поддерживать другие перспективные отрасли экономики и делать все необходимое для увеличения доли отечественного производителя, проводя политику импортозамещения.

В отличие от предшествовавших десятилетий, когда Королевство было чистым импортером машин и оборудования, принято решение сделать обязательной практикой включение в импортные контракты статьи о налаживании сборочного производства на территории Королевства. Поставлена задача удвоить добычу газа и создать общенациональную сеть по его доставке в различные районы страны.

Еще одним фактором, способствующим вступлению Саудовской Аравии в новую фазу индустриализации, является ее транзитный потенциал, обусловленный стратегическим положением Королевства на пересечении важнейших торговых путей между

Азией, Европой и Африкой в сочетании с обилием энергетических ресурсов и развитой логистикой.

Делается также ставка на региональную интеграцию, но возникший недавно кризис в отношениях между Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном, с одной стороны, и Катаром – с другой, может существенно затормозить интеграционные процессы.

Если правильность поставленных целей не вызывает особых сомнений, то реальность их достижения в поставленные сроки остается под вопросом. Многое зависит от того, насколько гладко и бесконфликтно будут идти реформы внутри страны, и насколько им будет благоприятствовать весьма непростая обстановка как на Ближнем Востоке, так и в мире в целом.

В документе особо отмечается верность исламским принципам – ислам и его учение основой жизни страны. Как следствие этого, Королевство будет и впредь прилагать все усилия, чтобы принимать у себя мусульман со всего мира, приезжающих на хадж. Тем самым намечается достичь сразу две цели – еще более укрепить позиции Королевства как духовного лидера мусульманского мира и центра исламской цивилизации и существенно увеличить финансовые поступления в бюджет Королевства.

Важным фактором является и социальная сфера. Несмотря на то что уровень благосостояния в Саудовской Аравии достаточно высок, в Королевстве есть и непростые социальные проблемы. Самая острая из них – безработица, прежде всего среди молодежи, особенно если учесть, что около 70% населения составляют люди до 30 лет. Важным моментом будет привлечение в трудовые отношения саудовских женщин, большинство из которых остаются сегодня дома.

Невозможно провести реформы, не изменив общественное сознание граждан, не меняя одновременно психологию и менталитет людей, их жизненный уклад и даже чувство времени. Они понимают, что население должно не только принять реформы, но и активно участвовать в их осуществлении. Об этом свидетельствуют разделы, посвященные изменениям национального самосознания, воспитания нации в духе патриотизма.

Важное место отводится внешней политике. Тем более что развивать экономику правительство Саудовской Аравии намеревается на основе самых передовых технологий наиболее развитых стран, прежде всего США.

Что касается реакции общества и экспертов на стратегию, то надо отметить, что программа дала людям надежды на более

активную, насыщенную позитивными сдвигами жизнь, а у молодежи и женщин – на получение рабочих мест и достойный заработок. За рубежом позитивную оценку реформам дал Международный валютный фонд. Приветствовали «Видение 2030» и большинство аналитиков, считающих, что реформы сделают саудовскую экономику более динамичной в долгосрочной перспективе.

Вместе с тем ряд экспертов задается вопросом, а захочет ли и сможет ли консервативно настроенное и привыкшее к комфорту саудовское общество отказаться от спокойной жизни в стиле рантье и привыкать к суровым условиям повседневной конкурентной борьбы за различные блага?

Некоторые критики реформ на Западе, которые совсем недавно обвиняли Королевство в консерватизме, теперь предрекают неизбежный крах реформ, сравнивая преобразования в Саудовской Аравии с экономическими реформами шаха Ирана 1970-х годов, приведших к его свержению. Не станет ли «Видение 2030» той пилой, которой власти спилят сук, на котором держится саудовская монархия? Для подобных рассуждений есть основания.

Авторы реформ пытаются совместить трудносовместимое – это, с одной стороны, преобразования во всех сферах жизни и, с другой стороны, верность традициям. Попытка властей побудить население отказаться от высокого уровня жизни, обеспеченного доходами от нефти, и заставить упорным трудом зарабатывать на жизнь действительно связана с серьезным риском вызвать недовольство в обществе. В первую очередь, это коснется 70% трудоспособного мужского населения, работающего в госсекторе и госаппарате, численность которого подлежит сокращению. Госсектор и его сотрудники во все времена составляли опору власти, и сокращение их численности – это фактор риска для нее самой. Курс на сокращение численности экспатов и их замещение местными сотрудниками также связан с риском нарушить функционирование устоявшейся экономической модели.

Нельзя не учитывать позицию влиятельного мусульманского духовенства Саудовской Аравии, которое обычно выступает с консервативных позиций и не поддерживает инновации. Вряд ли духовенство поддержит, например, намерение властей шире привлекать женщин к участию в трудовой деятельности или открытие в Эр-Рияде здания Оперы с учетом, что в религиозных кругах любые развлечения считаются «порочным занятием».

Автор отмечает, что пока нет ответа на вопрос, не нарушит ли возникающая напряженность вековой союз между правящей

династией и мусульманским духовенством, благодаря которому стране удавалось сохранять единство даже в самые сложные времена. Преобразования внутри Саудовского Королевства имеют и международное значение, так как модернизация страны означает ограничение влияния мусульманского духовенства на умы людей, уменьшение возможности распространения религиозного экстремизма, радикальных взглядов и ксенофобии. Одними из результатов этого курса должны стать секуляризация внешней политики, а следовательно и снижение террористической активности на Ближнем Востоке и за его пределами.

Говоря о первых результатах преобразований, автор приходит к выводу, что уже сам факт того, что реформы продолжаются более года, можно считать успехом. Внушают пока оптимизм и результаты опроса общественного мнения в Королевстве. Важный фактор успеха заключается в том, что преобразования проводятся именно принцем Мухаммедом бин Салманом, который является частью и олицетворением нового поколения 30-летних, составляющего основу саудовского общества.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Хадж М.К.,

магистрант 2-го курса

кафедры политологии

(Московский государственный

лингвистический университет)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США НА БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Аннотация. В статье раскрываются некоторые исторические и современные аспекты внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке. Представлено краткое описание эволюции внешней политики Вашингтона и его внешнеполитических приоритетов в данном регионе. Обращается внимание на то, что они претерпели существенные изменения, при этом отмечается, что ухода Белого дома из Ближнего Востока ожидать не следует, несмотря на сужение пространства для маневра.

Ключевые слова: внешняя политика США; внешнеполитическая стратегия США; Ближний Восток; международная помощь США.

Имеющая место нестабильность на Ближнем Востоке оказывает влияние не только на региональные, но и на глобальные политические процессы, что актуализирует анализ динамики роли данного региона в мировой политике и определение возможных сценариев развития ситуации. Это ставит вопрос о рассмотрении исторических аспектов, что позволило бы выявить те факторы, благодаря которым значение Ближнего Востока в мировом масштабе является важным.

Если говорить о XX в., то в первой его половине он был, скорее, объектом мировой политики: ведущие колониальные державы того времени боролись за разграничение сфер влияния. Окончание Первой мировой войны и поражение Германии привели к распространению в регионе влияния Британской империи, при этом он продолжал оставаться на периферии мировой политики. Не изменило ситуацию открытие месторождений нефти в Саудовской Аравии во второй половине 1930-х годов. Это можно объяснить тем, что разрабатываемые на тот момент ведущие нефтеносные бассейны были расположены ближе и что доставлять нефть с Ближнего Востока в промышленные центры Запада было далеко и долго.

В целом можно говорить о том, что даже Вторая мировая война и ее окончание не изменили положение дел. И только начало «холодной войны» можно назвать одним из факторов, который способствовал началу процесса трансформации Ближнего Востока и его роли в мировом политическом процессе. Это связано с тем, что 12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн выступил в Конгрессе и заявил о необходимости срочного выделения Греции и Турции (стране Ближнего Востока) финансовой помощи в размере 400 млн долл. для борьбы против распространения коммунизма (это было названо «доктриной Трумэна»). Соответствующий закон был принят Конгрессом спустя примерно два месяца.

В общем виде данная доктрина предусматривала, что Вашингтон планирует оказывать различные виды помощи демократическим странам для защиты против коммунизма. Это означало переориентацию внешнеполитической стратегии и курса Соединенных Штатов Америки на вмешательство в те конфликты, которые имели место в отдаленных и не обладавших стратегическим значением регионах мира. Помощь оказывалась как развитым странам («план Маршалла»), так и развивающимся, которые считались важными (Греция, Иран, Турция и др.). Речь шла не только о выделении финансовой помощи в чистом виде, но и о размещении

военных баз и объектов, подготовке местных вооруженных сил (ВС) и т.д.

Таким образом, можно говорить, что с того момента Ближний Восток начал играть роль во внешней политике США и что он был вписан в систему противостояния с СССР, хотя, как видно из «плана Маршалла» и ряда других предпринятых шагов, приоритет уделялся Западной Европе.

Постепенно влияние Белого дома в регионе возрастало. Конец 1940-х – начало 1950-х годов можно назвать периодом становления Вашингтона как ближневосточного игрока. Так, на начальном этапе произошли следующие события: дипломатическое признание Израиля (1947), выделение помощи Турции и Греции, включение Турции в состав НАТО (1952) и т.д. Следует отметить, что в период 1950-х годов отношения с Саудовской Аравией характеризовались смешанной динамикой, однако с начала 1960-х годов стало происходить укрепление двусторонних связей на различных направлениях.

В 1953 г., после прихода к власти Д. Эйзенхауэра, ЦРУ приняло активное участие в разработке и проведении государственного переворота в Иране. С середины 1950-х годов Вашингтон наращивал активность в регионе, постепенно вытесняя Британию. В 1955 г. с целью сдерживания СССР был заключен так называемый «Багдадский пакт», что еще раз подтверждает тезис о том, что Ближний Восток был вписан во внешнеполитическую стратегию США и что его роль (как и роль остальных регионов) официально заключалась в сдерживании СССР, который в то время также наращивал влияние на данном направлении (о чем говорит, например, поддержка Египта и его президента Г.А. Насера).

Следует отметить, что укрепление позиций Белого дома в регионе не носило линейного характера: наряду с победами имелись и провалы. Так, потерпела неудачу попытка госпереворота в Сирии (1957) и интервенции в Ливан (1958). После переворота в 1958 г. новые власти Ирака вышли из состава участников «Багдадского пакта». Египетский президент Г.А. Насер проводил политику сближения с Советским Союзом, и Вашингтону не удавалось повлиять на него.

Накопившиеся дисбалансы к началу 1960-х годов потребовали реформирования внешнеполитического курса. В рамках своего первого послания нации (State of the Union) президент Дж. Кеннеди признал кризисные тенденции и сделал акцент на том, что именно невоенная помощь государствам мира (прежде

всего, развивающимся) позволит США восстановить утраченные геополитические позиции и обойти Советский Союз. Для оказания такой помощи была создана соответствующая нормативно-правовая база, а именно: закон об оказании иностранной помощи¹ и другие нормативно-правовые акты. Указанная база стала основой для формирования Агентства международного развития (USAID), Корпуса мира и иных организаций, элементов «мягкой силы» США.

Первая половина 1960-х годов определялась преимущественно Карибским кризисом и связанными с ним событиями, однако во второй половине 1960-х годов произошло обострение ситуации на Ближнем Востоке. Одним из ключевых событий данного периода стала так называемая «шестидневная война» (1967), итоги которой заложили предпосылки для дальнейшей дестабилизации в регионе. Конфликт принял постоянный характер, время от времени переходя в «горячую фазу»: так называемая «война на истощение» 1967–1970 гг. между Египтом и Израилем; «война Судного дня» (1973). Последняя привела к нефтяному кризису и дальнейшему сближению между Саудовской Аравией и США.

В конце 1970-х годов произошло два масштабных изменения регионального политического ландшафта. Первое связано с переориентацией Египта на США. С середины 1970-х годов объемы американской помощи стране постоянно росли. До 1978 г. Белый дом предоставлял Каиру только экономическую помощь, а с 1979 г. (после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений) начал предоставлять и военную помощь, объемы которой в период первой половины 1980-х годов ежегодно увеличивались, стабилизировавшись к 1985 г. на уровне 1,2 млрд долл., а объемы экономической помощи остались неизменными, составляя примерно 1 млрд долл.

Второе изменение было вызвано революцией в Иране 1979 г. Данное событие имело более серьезные последствия для реализации внешнеполитической стратегии США в регионе и за его пределами. Так, ирано-американское противостояние, несмотря на заключение администрацией Б. Обамы соглашения по ядерной программе Ирана, продолжает формировать внешнеполитическую стратегию США в регионе, хотя на текущий момент Иран вряд ли можно включить в число приоритетов. Кроме того, был распущен блок СЕНТО, что подорвало глобальную систему американских

¹ The Foreign Assistance Act (FAA), 1961 (Pub. L. 87–195).

союзов и альянсов (по сути, ее единственным элементом, подразумевавшим многосторонний характер, оставалась только НАТО).

При этом утрата Ирана не означала снижение активности США в регионе. С начала 1980-х годов Белый дом существенно нарастил объемы как военной, так и невоенной помощи государствам Ближнего Востока. С приходом Р. Рейгана на пост президента этот показатель вырос с 10,5 млрд долл. в 1981 г. до 14 млрд долл. в 1988 г., а пик пришелся на 1985 г., когда объемы общей помощи превысили 18 млрд долл. (в текущих ценах). Более детальный анализ показывает, что основным реципиентом американской помощи были страны Ближнего Востока: соответствующий показатель начиная с 1983 г. стабильно превышал 5 млрд долл. Таким образом, доля Ближнего Востока в общем объеме американской помощи составляла 30% и более, при этом ее основным получателем был Израиль.

На основе представленных данных можно сделать вывод о внешнеполитических приоритетах США на тот период, в их число явно входил Ближний Восток. Это было связано не только с поддержкой Израиля, но и других стран (например, Египта). Кроме того, в ирано-иракской войне 1980–1989 гг. Вашингтон в рамках реализации своих интересов активно поддерживал как Ирак, так и Иран, что привело к громкому скандалу в 1986 г. (так называемое «дело контрабанды»).

Важным событием не только регионального, но и мирового масштаба стало проведение операции «Буря в пустыне» в 1991 г. Она продемонстрировала возросшую мощь США и фактически заявила о создании однополярного мира, поскольку Советский Союз на тот момент уже находился на завершающей стадии распада. Коллапс СССР открыл перед Вашингтоном новые возможности и сместил внешнеполитический фокус в этом направлении, а Ближний Восток отошел несколько на второй план, при этом в 1990-х годах в США были обеспокоены тем, что он стал источником новых угроз (речь идет, прежде всего, о ядерной программе Ирана)¹.

Из важных региональных инициатив США следует назвать попытку урегулирования палестино-израильского конфликта

¹ Phebe M. U.S. – GCC security relations, I: differing threat perceptions. (Gulf Cooperation Council) // Strategic Forum. 1995. Issue 39–42; DeSutter P. Deterring Iranian NBC use (nuclear, biological, and chemical) // Strategic Forum. 1997. Issue 108–111.

в конце 1980-х годов. В 1991 г. была проведена Мадридская мирная конференция, по результатам которой стороны согласились с принципом «территории в обмен на мир», а также договорились провести прямые двусторонние переговоры. 13 сентября 1993 г. Израиль и Организация освобождения Палестины (ООП) подписали в Вашингтоне совместную Декларацию о принципах.

В рамках реализации мирного процесса в Вашингтоне 28 сентября 1995 г. было подписано Временное палестино-израильское соглашение, касавшееся Западного берега реки Иордан и Сектора Газы. Его реализацию не смогло остановить даже убийство израильского премьера И. Рабина 4 ноября 1995 г. Однако указанному соглашению так и не суждено было быть воплощенным на практике из-за ряда факторов, включая рост напряженности, который был вызван последовавшими терактами, коррупцией в Палестине, сменой израильского правительства в мае 1996 г. и т.д. Принимая во внимание продолжение указанного конфликта, по факту вряд ли можно говорить о внешнеполитическом успехе Белого дома на данном направлении, хотя Белый дом по-прежнему декларирует приверженность его урегулированию.

В период 1990-х годов США продолжали сохранять военнополитическое присутствие на Ближнем Востоке, объемы оказываемой помощи были стабильными, а основным ее получателем оставался Израиль. При этом следует отметить, что объемы помощи ряду стран (как военной, так и экономической) начали снижаться. Прежде всего, это касается Египта. Если в 1990 фин. г. она составляла 2,4 млрд долл., то в 2000 г. – только 2,07 млрд долл. (значения указаны в текущих ценах). Эта тенденция сохранялась и в 2000-е годы (в 2009 фин. г. показатель составил немногим менее 2 млрд долл.), а военный переворот в июле 2013 г. привел к существенному сокращению помощи со стороны США. Так, в 2017 фин. г.¹ она оказывалась только по линии АМР, а ее объем составил всего 141 млн долл.

Ситуация изменилась в первой половине 2000-х годов, что связано с вторжением США в Ирак. Это привело к увеличению значимости региона и увеличению оказываемой помощи. Согласно данным АМР США, в период 2000-х годов основные средства направлялись на восстановление Ирака, который стал главным ее получателем. Если в 2002 г. объемы помощи региону составляли

¹ Указаны предварительные данные по состоянию на 1.12.2017 г. Источник: сайт АМР США explorer.usaid.gov

6 млрд долл., то в 2003 фин. г. данный показатель вырос в 2 раза (до 12 млрд долл.), а в период 2004–2008 фин. гг. стабильно превышал 13,5 млрд долл. Только в 2009 г. произошло небольшое снижение до 12,7 млрд долл.

Данные тенденции продолжились и в 2010 г., что можно объяснить выводом ВС США из Ирака. Так, в 2010 фин. г. общий объем помощи странам региона упал до 8,8 млрд долл. Он сохранялся на уровне в 9 млрд долл. до 2014 фин. г., когда было зафиксировано падение до 7,1 млрд долл. Как показал анализ данных, это связано с военным переворотом в Египте, который произошел в июле 2013 г.

Подводя итоги, можно отметить, что со второй половины XX в. – начала XXI в. роль Ближнего Востока в рамках внешнеполитической стратегии США менялась – как претерпевала трансформацию и роль стран региона. Проведя обзор внешнеполитической стратегии и внешней политики США в отношении региона, можно сделать следующие выводы.

1. Во-первых, со второй половины XX в. Соединенные Штаты Америки начали активно вовлекать страны Ближнего Востока в свою орбиту, при этом до конца 1980-х годов регион играл подчиненную роль, являясь частью внешнеполитической стратегии, официально направленной на сдерживание Советского Союза. Это же обусловило и оказание поддержки Израилю, которая имеет место и в настоящее время (она сохранялась и в период правления Б. Обамы даже с учетом охлаждения отношений). Несмотря на эту подчиненную роль, важность Ближнего Востока существенно возрастала в период нефтяного кризиса 1973 г. и в середине 1980-х годов.

2. Во-вторых, первая существенная трансформация региона произошла в 1970-х годах. Она была связана с тремя важными событиями. Первым событием стал нефтяной кризис 1973 г., который стал фактором сближения США и Саудовской Аравии (в середине 1980-х годов договоренности между сторонами по нефтяному рынку стали одной из причин коллапса СССР). Вторым событием стало включение в орбиту Вашингтона в 1979 г. Каира, который ранее считался союзником СССР. Египет оставался важным звеном внешнеполитической стратегии США вплоть до 2013 г. и по большей части указанного периода был одним из крупнейших получателей американской помощи (занимая в некоторые годы второе место). Третьим событием является революция в Иране 1979 г., которая привела к свержению «проамериканского» режима

шаха и установлению «антиамериканской» теократии. Она до сих пор в значительной степени определяет отношения между двумя странами, которые носят характер противостояния, несмотря на приход к власти в середине 2013 г. президента Х. Роухани, считающегося представителем национальных элит, придерживающихся курса на сотрудничество с Западом. Принимая во внимание то, что между Эр-Риядом и Вашингтоном сформированы союзнические отношения и что между Саудовской Аравией и Тегераном идет борьба за лидерство в исламском мире, можно говорить о том, что США продолжают курс на конфронтацию с Тегераном.

Поскольку в Вашингтоне понимают, что Саудовская Аравия будет продолжать стремиться использовать США для сдерживания Ирана, данная конфронтация вряд ли будет носить острый характер, при этом при необходимости (в случае смены власти в Иране в 2021 г.) стороны могут прибегнуть к жесткой риторике. В целом, принимая во внимание внутренние проблемы США и изменившуюся конфигурацию сил на Ближнем Востоке, следует говорить о том, что пространство Белого дома для маневра на данном направлении значительно сузилось и что он настроил против себя ряд крупных региональных игроков (Россия, Иран, Турция), которые объединили усилия по нейтрализации внешней политики США в регионе.

3. В-третьих, операция «Буря в пустыне» (1991) против Ирака, которая не привела к смене режима в Ираке, заложила основы реформирования Ближнего Востока в середине 2000-х годов, что привело к его дестабилизации, усилению влияния Ирана и снижения влияния Вашингтона. С одной стороны, в 1990-х годах США сохраняли активность в регионе (сделав приоритетом урегулирование палестино-израильского конфликта), а объемы американской помощи странам региона в целом сохранялись на уровне выше 5 млрд долл. в год (при этом значительная часть приходилась на Израиль). Но, с другой стороны, первая половина 1990-х годов ушла у американской элиты на переосмысление краха СССР и новой реальности. В этот период, как и во второй половине 1990-х годов усилия были сосредоточены на Европе, что, в частности, выразилось в расширении НАТО и других антироссийских шагах.

4. В-четвертых, стратегическая важность Ближнего Востока для США существенно выросла в 2003 г., что обусловлено кампанией против Ирака. Ее особенностью стало то, что быстрая военная победа не принесла успехов и что после нее Белый дом глубоко завяз в конфликте. Фактически США потерпели поражение, что

в конце 2000-х годов поставило вопрос об уходе из региона¹. Более того, указанный вопрос вновь актуализировался в 2016–2017 гг.² Рассматривая статистические данные (например, показатели выделяемой международной помощи), можно говорить о том, что, конечно, полного ухода не произошло, однако масштаб присутствия в период администрации Б. Обамы был снижен.

Так, в 2009 фин. г. указанный показатель составил 12,7 млрд долл., а в 2010 фин. г. вследствие вывода ВС из Ирака он упал до 8,8 млрд долл. Переворот в Египте в 2013 г. привел к дальнейшему снижению помощи – в 2014 фин. г. этот показатель составил всего 7,1 млрд долл., что является минимальным значением с 2003 г. Последующее его увеличение обусловлено динамикой развития ситуации и ростом приоритета таких стран региона, как Ирак и Сирия. Кроме того, в 2015 фин. г. частично была восстановлена помощь Египту – теперь она составляет порядка 1,2–1,3 млрд долл. в год. При этом следует отметить, что в 2016 фин. г. перечисление помощи по программе FMF со стороны МО США в размере 1,10 млрд долл. было отложено, т.е. можно утверждать, что фактические объемы американской помощи были ниже.

Основываясь на проанализированных данных, можно говорить, что к середине 2010-х годов внешнеполитические приоритеты США в регионе изменились – в настоящее время внимание уделяется таким странам, как Израиль, Сирия, Ирак, а роль Египта снизилась и вряд ли восстановится. Стало очевидно, что полный уход Вашингтона из Ближнего Востока невозможен. Он вряд ли произойдет, при этом позиции Соединенных Штатов Америки на данном направлении сохраняют тенденцию к ухудшению.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

¹ Подробнее см.: Haass R., Indyk M. Beyond Iraq: a new U.S. strategy for the Middle East // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88, Issue 1. P. 41–50; Bennett R. The precedents for withdrawal: from Vietnam to Iraq // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88, Issue 2. P. 2–8; Brzezinski Z. From hope to audacity: appraising Obama's foreign policy // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89, Issue 1. P. 16–24; Drezner D. Does Obama Have a Grand Strategy? Why We Need Doctrines in Uncertain Times // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90, Issue 4. P. 57–63; Parent J., MacDonald P. The Wisdom of Retrenchment: America Must Cut Back to Move Forward // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90, Issue 6. P. 32–40; Indyk M., Lieberthal K., O'Hanlon M. Scoring Obama's Foreign Policy: A Progressive Pragmatist Tries to Bend History // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91, Issue 3. P. 29–36.

² Подробнее см.: Glaser Ch., Kelanic R. Getting Out of the Gulf: Oil and U.S. Military Strategy // Foreign affairs. 2017. Vol. 96, Issue 1. P. 122–131.

2018.02.007. **Гаджимурадова Г.И.**
ЕВРОПЕЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ
И МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ:
РЯДОМ ИЛИ ВМЕСТЕ? // Власть,
М., 2018, № 2 с. 60–63.

Ключевые слова: евроислам; европейские мусульмане; интеграция; самосегрегация.

Гаджимурадова Г.И.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры демографической
и миграционной политики
Московского государственного института
международных отношений (У) МИД РФ

В данной статье автор исследует понятия «европейские мусульмане» и «мусульмане в Европе». Автор отмечает, что присутствие ислама в Европе хотя и не является новым социальным явлением, но нуждается в осмыслении, так как является неотъемлемой частью Европы, а мусульмане – значимой частью европейского общества. По примерным прогнозам западных социологов, к 2030 г. каждый десятый житель Европы будет мусульманином, а к 2100 г. таковым будет каждый четвертый.

Миграционная активность, вызванная событиями «арабской весны», а затем и кризисом беженцев 2014–2015 гг., усилила миграционные процессы во всем мире, и особенно на европейском континенте. В первой половине XX в. миграция носила внутриконтинентальный характер и осуществлялась в основном внутри христианского мира, современная же миграция носит выраженный межконфессиональный характер. Остро встают вопросы совместимости ислама с нормами и образом жизни европейцев. В результате роста количества мусульманских общин в странах Западной Европы и их социально-политической активности, по мнению некоторых исследователей, можно говорить о возрождении исламской традиции в современной Европе, а также о неспособности и нежелании определенной части мусульман интегрироваться в стране проживания. Автор в качестве примера упоминает здесь труды С. Хантингтона, Г. Хайнсона, Т. Сарацина [Хантингтон 2003; Heinsohn 2003; Sarrazin 2012].

Люди разных культур и разных конфессий должны жить рядом и активно взаимодействовать, и поэтому в Европе возник

вопрос о совместимости ислама с демократическими нормами и о принятии мусульманами европейских ценностей. Автор приводит мнение немецкого писателя и публициста Ральфа Джордано (Ralph Giordano, 1923–2014), который подверг критике мнение немецких политиков о том, что ислам отныне является такой же частью Германии, как христианство и иудаизм, и говорил, что нельзя приравнять реальный ислам к некоему идеализированному, соответствующему европейским ценностям исламу, который существует лишь в их мечтах. Джордано считал, что «политический и воинственный ислам вообще нельзя никуда интегрировать», что до сих пор никто не дал ответа на вопрос о совместимости ислама со свободой совести, равноправием женщин, плюрализмом и принципом отделения религии и церкви от государства – всем тем, что составляет основу демократии.

Автор приводит интересную точку зрения немецкого политика Тило Сарацина, который утверждает, что миграция из стран с христианской культурой не является такой же разрушительной для Германии, как миграция из мусульманских стран. Мигранты из немусульманских стран быстро адаптируются и не образуют замкнутых сообществ. Мусульмане же замыкаются в своей умме и соблюдают только свои традиции, что вызывает напряженность в тех странах, куда они переезжают. По мнению политика, все дело в религии, которая определяет жизнь мусульман от рождения и до смерти. По мнению политика, проблема мусульман – это отсутствие прогресса в образовании, низкие показатели большинства мусульман на рынке труда, проблема статуса женщины в этих культурах, проблема высокой рождаемости.

В основе жизненных установок мусульман лежит дар-аль-ислам, или территория, где действуют законы шариата, что и является, по мнению многих исследователей, камнем преткновения для их успешной интеграции. Европа и исламский мир относятся абсолютно к разным культурным ареалам, которые представляют собой две совершенно разные, но равновеликие системы ценностей.

Автор приводит мнение по поводу миграции профессора университета г. Бремена (Германия) Г. Хайнзона, который указывает на то, что иммиграционные проблемы Европы имеют двойственный характер: с одной стороны, самые энергичные и талантливые уезжают, а рождаемость у оставшихся очень низкая, с другой стороны, иммигранты из стран с низким уровнем жизни не имеют достаточного образования, чтобы занять вакантные места, а темпы

воспроизводства у них достаточно высокие. Автор приводит статистику, что из Германии ежегодно уезжают 150 тыс. человек, причем большинство из них едут в англосаксонские страны, которые их с удовольствием принимают. А в итоге происходит абсолютно неравноценное замещение местного населения мигрантами, которые имеют более низкий уровень образования, не знают языка, плохо интегрируются и часто вообще не собираются работать, предпочитая жить на пособие.

Автор задается вопросом, значит ли всё это, что у мигрантов-мусульман нет будущего в Европе, а у Европы нет перспектив в связи с ростом мусульманских общин? В качестве ответа автор приводит в пример и анализирует такие понятия, как «евроислам» и «евромусульмане», которые свидетельствуют об успешном опыте интеграции некоторой части мусульман в европейское общество.

Так есть ли разница между европейскими мусульманами, которые считают себя частью европейской семьи, и мусульманами в Европе? Попытку ответить на этот вопрос сделал профессор Фрибургского университета (Швейцария) Тарик Рамадан в своей книге «Что значит быть европейским мусульманином», который является противником деления мира на западный и мусульманский, замыкания мусульман в рамках уммы и говорит о сближении последователей ислама, проживающих в Европе, с европейской культурой. Называя себя мусульманами, живущими в Европе, люди заведомо отвергают окружающую их действительность как чужеродную, но, называя себя европейскими мусульманами, напротив, подчеркивают, что одновременно принадлежат и к исламской, и к западной цивилизации. По мнению Рамадана, нужно различать принципы ислама и его традиции, которые могут быть различными с учетом истории и культуры народа, а также законов страны проживания. Ислам един, но культур множество. В исламе есть место и единению, и многообразию. Когда мы говорим о европейском, канадском, американском, западном исламе, «европейскость», «западность» относятся к культуре, в то время как принципы, изложенные в Коране, остаются исламскими.

Мусульмане, решившие жить в Европе, должны «европеизироваться», не теряя при этом своей идентичности. Но это возможно только при условии принятия ими концепции основополагающих принципов европейских ценностей, что при усиливающейся самосегрегации мусульманских общин маловероятно.

Что же представляет из себя евроислам, и кто такие евромусульмане? По мнению автора статьи, под евроисламом надо пони-

мать форму умеренного, или просвещенного, ислама, в котором ритуальная (религиозная практика) часть сочетается с культурными установками европейского общества. Понятно, что формирование единой концепции евроислама – это процесс, требующий длительного времени и своего теоретического обоснования.

В заключение автор статьи приходит к выводу, что в настоящее время мы стоим у истоков появления новой формы ислама, но остается открытым вопрос, станет ли евроислам связующим звеном между мусульманами, живущими в Европе, и евромусульманами.

Автор реферата В.Н. Сченснович

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Исламов Ш.,

соискатель

(Ташкентский Исламский университет)

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ИГИЛ»

Аннотация. В статье анализируется деятельность ИГИЛ (запрещенной в РФ), рассматриваются методы борьбы с данной террористической организацией и противостояния попыткам искажения ислама.

Ключевые слова: ИГИЛ, религиозная пропаганда, искажение ислама, просвещенный ислам, Коран, исламские ученые, СМИ, политические технологии.

Суть происходящих событий на Ближнем Востоке, а также современная общественно-политическая и религиозная ситуация в Сирии и Ираке, которые были свидетелями славной истории мусульманского мира, находятся в центре внимания мирового сообщества.

В ходе этих событий каждый специалист может наглядно увидеть применяющиеся в реальности политические технологии, которые раньше не наблюдались и существовали только в теории.

Стремительное распространение террористической организации, представляющей себя как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), несомненно, является результатом глубоко продуманной пропаганды в средствах массовой информации, особенно в сети Интернет. Сегодня широкая общественность, в частности крупные исламские ученые мира, ведут борьбу с негативным влиянием и продолжающимися ужасными последствиями, вызванными этой террористической организацией.

На сегодняшний день специалистами тщательно и с большим интересом изучается идеологическая пропаганда ИГИЛ, в частности использование Корана, Сунны, фетв улемов и их влияние на сознание людей. Исследователи утверждают, что использование источников ислама в идеологической пропаганде играет центральную роль в деятельности ИГИЛ и других террористических организаций, действующих в регионе¹.

Сторонники идеи джихада для оправдания своих преступных действий неправильно толкуют аяты Корана, носящие общий смысл. Особенно лидеры ИГИЛ в своих устных заявлениях и письменных пропагандистских материалах часто ссылаются на аяты Корана. Например, бывший пресс-секретарь ИГИЛ Абу Мухаммад Аднани в своем выступлении в мае 2014 г. 24 раза ссылался на аяты из Корана.

Лидеры ИГИЛ используют отвлекающие методы в своих выступлениях. Они не используют тафсиры (комментарии) Корана, скрывают истинные интерпретации аятов и, приводя доказательства из разных источников, стараются убедить в правдивости своих идей. Идеологи террористов Ближнего Востока считают, что использование тафсиров, толкований известных, общепризнанных ученых является бидъятом и что такие действия противоречат таухиду (единобожию).

Специалисты центра Картера (США), проанализировав 256 религиозно-пропагандистских видеоматериалов, опубликованных в период с июля 2014 по июль 2015 г., обнаружили, что в них искажены смыслы 151 Мединского и 78 Мекканских аятов². 46% этих продуктов являются пропагандой «джихада», 17 – социальных услуг, предоставляемых террористической организацией, 10 – информацией об установленных правилах на незаконно захваченных территориях, а 10% составляет пропаганда, дискредитирующая мусульман мира. Искажение смысла аятов Корана в пропаганде в средствах массовой информации террористической организации ИГИЛ заключается в подтверждении и удерживании господства над захваченными территориями и над местным населением.

ИГИЛ в своей религиозной пропаганде почти всегда сравнивает себя с мусульманской общиной времен Пророка Мухаммада (с.а.в.) и этим пытается духовно и морально подбадривать своих последователей. В частности, в одном из обращений говорится: «Первые мусульмане были унижены и преследовались, как вы. Они были вынуждены покинуть свою родину, так же, как и вы.

Они создали идеальное общество, как и мы» – этим пытаюсь представить себя в образе начальной мусульманской общины³.

ИГИЛ, используя религиозные тексты как пропагандистские материалы путем искажения священных источников ислама, в первую очередь, пытается создать религиозные основы для создания халифата. Во-вторых, террористическая организация старается этим оправдать свои военные действия. Несмотря на то что для оправдания своих идей приводятся примеры из религиозных текстов, главной целью ИГИЛ является достижение власти путем физического уничтожения и духовной дискредитации политических соперников.

Еще одна причина использования религиозных источников в медиапропаганде ИГИЛ заключается в убеждении оправдать преступные действия иностранцев, которые служат в рядах террористической организации, предупреждении среди них недовольства и подозрений.

Среди часто используемых терминов в религиозно-пропагандистских материалах ИГИЛ имеются такие, как «кяфир», «муртад», «джихад», «шахид», «дарул ислам», «дарул харб», «хижрат»⁴. Террористическая организация искажает термины, чтобы подорвать веру мусульман всего мира, а также чтобы доказать что истинные мусульмане только те, кто поддерживает ИГИЛ.

Примечательно, что идеологические лидеры террористических организаций при обосновании таких идей, как «джихад», «шахид», «дар ул куфр», через хадисы не приводят их обоснований и не разделяют их на степени⁵.

По мнению специалистов, основную часть лиц, которая присоединяются к рядам ИГИЛ, составляет молодежь, не имеющая религиозных знаний и неправильно понимающая идею джихада⁶. Исследователь Эндрю Лебович (Andrew Lebovich), основываясь на информации о 3 тыс. участвующих в военных действиях боевиках, отмечает их низкую религиозную грамотность и поверхностное понимание исламского учения⁷.

Согласно исследованиям, ИГИЛ в своей пропаганде уделяет большое внимание освещению следующих тем⁸.

1. Пропаганда военных успехов террористической организации. Описываются военные победы над соперником, присоединение новых территорий в состав ИГИЛ и деятельность лагерей, занимающихся подготовкой боевиков.

2. Управление и контроль за исполнением установленных правил. Раскрывается, что организация склонна к государственному

управлению и успешно выполняет эту задачу. Также регулирование организацией правовых отношений среди населения в незаконно захваченных землях и наказания, которыми караются нарушители правил. Стоит отметить, что в данном виде ИГИЛ старается заявить о себе как об организации, которая гарантирует права мусульман.

3. Пропаганда, которая служит интересам ИГИЛ. Террористическая организация искажает ислам ради собственных интересов и стремится доказать всем, что ИГИЛ является единственным представителем «истинного» ислама. Организация путем псевдорелигиозного образования распространяет свою идеологию среди широких слоев населения.

4. Широкое распространение ложных взглядов о халифате. Распространяются новости о том, что единственной властью мусульман является халифат. В них обращается внимание на установленный в незаконно захваченных территориях порядок, повседневную жизнь людей, удобный климат и неповторимую природу региона с целью положительного влияния на людей, которые могут пополнить ряды ИГИЛ.

5. Ущерб, который причинили враги ислама мусульманам. Попытки дискредитировать мировое сообщество и укрепить к нему враждебность. Также популяризируется такая ложная идея, что основной целью врагов ИГИЛ является борьба против ислама.

По единогласному мнению многих экспертов, общепризнанные религиозные лидеры являются единственной силой, которая может помочь отказаться от неправильного решения людям, попавшим под влияние пропаганды ИГИЛ, но еще не вступившим в ряды организаций⁹.

Мусульманские ученые, улемы и лидеры имеют большой потенциал для разоблачения идей, которые противоречат основам чистой веры, а также могут показать истинное лицо террористических организаций. От них требуется особое усердие и ответственность при идеологической пропаганде против терроризма, так как общеизвестно, что молодое поколение обращает особое внимание на их мнение, при формировании взглядов основывается на мнении улемов¹⁰.

Следует отметить, что по всему миру систематически объявляются фетвы, заявления крупных исламских ученых которые осуждают такие террористические организации, как ИГИЛ. Однако, как замечает Худа Ибади, часто эти заявления не доходят до

молодых людей, которые с большой вероятностью могут попасть под влияние вредоносных идей.

Эксперты утверждают, так как медиапропаганда ИГИЛ организована продуманно и эффективно, то необходимо, чтобы пропаганда, направленная на ограждение людей от влияния таких обманчивых идей, также должна была бы быть привлекательной и заслуживающей доверия. Если такая пропаганда будет ограничиваться только отрицанием информации, исходящей от ИГИЛ, то она не принесет положительных результатов.

При пропаганде против псевдоидей ИГИЛ необходимо обратить внимание на следующее:

1. Важно не раскрывать «успехи» ИГИЛ. Считается нецелесообразным описывать во всем цвете деятельность террористической организации и переоценивать ее потенциал для отдаления от ИГИЛ людей.

2. Особенно эффективно доводить истории тех людей, которые перенесли унижения и страдания в рядах террористической организации, а также их призывы не поддаваться ложным призывам таких организаций.

3. Важным является доведение до людей информации о том, что ИГИЛ для оправдания своих преступных деяний искажает истинные идеи ислама. Распространение призывов признанных и крупных ученых исламского мира в сети Интернет и других средствах массовой информации среди аудитории, которая склонна к фанатизму и может примкнуть к рядам ИГИЛ, принесет особо положительный эффект.

4. Необходимо разъяснять людям, которые могут попасть под влияние организации, что религиозные речи, выступления террористов абсолютно не соответствуют их практическим действиям, а также широкой общественности, что лицемерие, физическое насилие и превращение людей в рабов и другие совершаемые ими действия противоречат всем общечеловеческим ценностям.

5. Важно обоснованно доказывать то, что эта террористическая организация, заявляющая себя защитником суннитского вероучения, на самом деле только сеет семена раздора, разногласия и ненависти среди мусульман. Необходимо понять, что отнесение шиитов к врагам, разделение мусульман на классы, пролитие крови, считая их неверующими, только вредит мусульманам.

6. Все страницы в социальных сетях, имеющие отношение с ИГИЛ, должны быть безоговорочно закрыты. Некоторые СМИ, ссылаясь на свободу слова, оставляют некоторые страницы откры-

тыми, последствием чего является попадание людей под влияние террористических организаций¹¹.

7. На интернет-сайтах и в социальных сетях, медиаплатформах, особенно тех, в которых активны пропагандисты ИГИЛ, необходимо широко распространять идеи просвещенного ислама, которые призывают к миру и согласию, а также поощрять участие в них улемов и исламоведов. Это в свою очередь снизит влияние псевдоидей.

Мы считаем, что научно-обоснованная и глубоко продуманная пропаганда против ИГИЛ послужит разоблачению его идей и поможет понять разницу между истинным и искаженным исламом, сеющим смуты и раздоры.

¹ El-Badawy E., Comerford M., Welby P. Inside the jihadi mind. Understanding ideology and propaganda. The Centre on Religion and Geopolitics. P. 49.

² Religious Appeals in Daesh's Recruitment Propaganda. The Carter Center. September 2016. – https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/countering-isis/religious-appeals-in-daesh-recruitment-propaganda-091316.pdf

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ El-Badawy E., Comerford M., Welby P. Inside the jihadi mind. Understanding ideology and propaganda. The Centre on Religion and Geopolitics. P. 52.

⁶ Countering Daesh Recruitment Propaganda Experts Workshop. The Carter Center. March 2016. – https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/countering-isis/countering-daesh-march-meeting-report.pdf

⁷ Andrew Lebovich. How 'religious' are ISIS fighters? The relationship between religious literacy and religious motivation. Brookings Institution. Project on U.S. Relations with the Islamic World. April 2016.

⁸ Aaron Zelin. Picture Or It Didn't Happen: A Snapshot of the Islamic State's Official Media Output. Perspectives on Terrorism Vol 9, No 4. 2015.

⁹ Countering Daesh Recruitment Propaganda Experts Workshop. The Carter Center. March 2016. – https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/countering-isis/countering-daesh-march-meeting-report.pdf

¹⁰ Houda Abadi. ISIS Media Strategies: The Role of our Community Leaders. – https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/syria-conflict/ISIS-media-strategies-role-of-muslim-religious-leaders-2015.pdf

¹¹ Stern J., Berger J. A 6-Point Plan to Defeat ISIS in the Propaganda War. March 30, 2015. – <http://time.com/3751659/a-6-point-plan-to-defeat-isis-in-the-propaganda-war/>

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

Равшанов М.,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры узбекского
и иностранных языков
Навоийского государственного
горного института (Узбекистан)

КОНЦЕПТ «ИСЛАМ»:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЗНАНИЯ И РАЗУМА

Аннотация. В статье исследуется концепт «ислам» с точки зрения философско-когнитивной, логической семантики и прикладной лексикографии как объект теоретического языкознания. Изучены значения знания и разума концепта «ислам» по лингвистическим параметрам.

Ключевые слова: ислам; Коран; концепт; значения; смысл; лексикография; логическая семантика.

В мире существует бесконечный поток информации. Чтобы овладеть всеми знаниями, потребуется много времени, для чего необходимо прожить множество жизней. Это нам не по силам. К примеру, если задаться целью – изучить человека или строение мира, то эти знания уходят далеко в бесконечность, а затем заходят в тупик, сводятся к Богу, ибо Всевышний присутствует во всем. Дальше изучать или познавать нет смысла, ибо Бог непознаваем, недостижим никем. Бог является вечной абсолютной истиной и наивысшей мудростью. Он – источник всего, и от него все исходит, а также и истина [2.23–46].

Истина – есть красота и многозвучие вечности и бесконечности. Она – многогранна, каждая грань раскрывает суть и глубину реальности существования объекта или субъекта. Истина – это то, что реально существует. Реально существует и является Истиной лишь то, что связано с Вечностью, а нереально и не является Истиной все то, что не связано с ней. Истина – это непреходящее, невременное, неизменное, неделимое; а все то, что имеет противоречие, двойственность, разделение, изменение, – не является Истиной [41–44].

В XIX в. среди европейцев получило распространение мнение, что исламская религия является врагом прогресса мысли. На основе Корана и исторических фактов попытаемся рассмотреть, насколько обоснованно такое мнение.

В действительности война против науки была в свое время объявлена лидерами других религий. Широко известно, как в Средневековье в Европе ученые-естествоиспытатели подвергались жестоким преследованиям со стороны церкви. Были созданы специальные суды инквизиции для осуждения ученых-мыслителей, чье мнение противоречило официальным религиозным установкам. Их либо заставляли каяться и отказаться навсегда от своих идей, либо казнили. Так продолжалось довольно долгое время, пыткам и ужасной смерти были подвергнуты многие видные ученые Средневековья, пока не появилось протестантство. Данная ветвь христианской религии, будучи ближе к реальной жизни и стремясь укрепить свои позиции, была вынуждена разрешить свободомыслие [2.44–45].

Таким образом, можно сказать, что наука одержала верх над религией. Однако ученые, потерпевшие от догматически настроенного духовенства, стали «мстить» церкви, высмеивая содержание религиозных книг и удачно манипулируя новейшими открытиями в науке. Справедливости ради следует отметить, что таким ученым удалось отвратить от церкви немало людей. Некоторые дошли до того, что стали говорить: «Религия – это невежество». Чтобы получить более полное представление об этом, то достаточно обратиться к некоторым словарям, опубликованным в XIX в., в которых религия характеризуется весьма негативно.

Однако ислам за 14 веков своего существования не только не потерял, а приумножил число своих сторонников. И не в последнюю очередь именно потому, что он обязывает мусульман идти путем прогресса, знания, приверженности науке, поскольку без науки невозможно обеспечить развитие личности и общества [1.211–216].

В Коране значительное внимание уделено знанию, разуму, которые поставлены на высокое место. Приведем ряд примеров: «Скажи: *“Разве равняются те, которые знают, которые не знают?” Поистине, не вспоминает никто, кроме обладающих разумом*» («Зумар», 9). В другом аяте откровенно говорится о том, что люди знающие (ученые) стоят на более высоком уровне перед Аллахом, нежели остальные: «*Возвышает Аллах тех из нас, которые уверовали, и тех которым дано знание, по степеням*» («Муждала», 11). Аллах также приводит людей, обладающих знанием, в качестве свидетелей своего единства: «*Или Тот, кто изначально творит творение, затем воссоздает его, и кто наделяет вас с неба и земли? Разве бог наряду с Аллахом?*» Скажи: «*Приведите*

ваше доказательство, если вы правдивы!» («Намл», 64). Как видно из цитат, каждый должен иметь доказательство своим словам и деяниям. Каждый вправе требовать доказательство услышанного, иначе вправе отклонить его.

Ислам – религия точности, а не домыслов и предположений. Наука (знание) запрещает неясное называть ясным, неправильное предположение называть правдой. Правильность или неправильность определенной мысли определяются силой ее доказательств. Если доказательства сильны, то мысль правильна, иначе это – домысел. Такое научное обоснование соответствует Корану. Коран призывает остерегаться домыслов и предположений, ибо они вводят людей в заблуждение и разрушают веру [6.16]. Еще целый ряд аятов предостерегает от следования одним предположениям, воображению, без опоры на факты: *«И следует большинство их только за предположением. Поистине, предположение не является ничем вместо истины. Поистине, Аллах – Знающий то, что делают!»* («Йунус», 36). Коран повелевает основываться только на истинных научно установленных фактах, остерегаться домыслов и предположений и предупреждает о тяжелой участи следуемых за ними: *«...Нет! Последовали те, которые несправедливы, за своими порочными страстями без всякого знания!»* («Рум», 29). Аллах повелевает мусульманам действовать только на научном основании, говоря: *«И не следуй за тем, о чем у тебя нет знания: поистине, слух, и зрение, и сердце – все те – спрашиваемые»* («Исра», 36).

Ислам против слепого подражания. Знания запрещают подражать чему-либо без глубокого и надежного изучения. В том аспекте современная наука не соответствует науке прошлого. В древности, в частности в Средние века, люди оценивали определенные вещи или события по мнению о них известных личностей. Например, они считали, что каждая мысль, исходящая от Аристотеля, абсолютно верна и безошибочна. И Коран, и наука против такой бесплодной инерции мышления и сознания.

Наука полностью единогласна с Кораном в запрещении слепого подражания. Коран критикует тех, кто, говоря: *«Так делали наши предки»*, упрямо не хочет размышлять над своими действиями: *«А когда сказано им: “Приходите к тому, что нас послал Аллах, и к Посланнику”, сказали: “Довольно нам того, на чем мы нашли наших отцов!” И даже если их отцы не знали ничего и не шли праведным путем?»* («Маида», 104). В другом аяте говорится: *«И когда сказано им: “Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!”*,

сказали: “Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов”. Разве даже если их отцы не знали ничего и не шли праведным путем? И пример тех, которые не уверовали, подобен примеру того, который кричит на то, что не слышит, кроме призыва и возгласа. Глухи, немые, слепы, – и они не разумеют!» («Баккара», 170–171). Эти аяты свидетельствуют, что подражание без осмысления того, что ты делаешь, без уверенности в нем – дело неверных. Никто не сможет стать верующим, пока не уверует, и никто не познаёт ислам, пока не перестанет слепо подражать другим. Коран призывает людей остерегаться от слепого подражания!

Разум (лат. *ratio*) – термин, под которым понимается существенная для человека как такового способность осмысливать всеобщее в отличие от непосредственно данных единичных фактов, какими исключительно занято мышление прочих животных. С этим свойством связана видовая характеристика человека как человека разумного (лат. *homo sapiens*). Такая способность отвлечения и обобщения включает в себя и рассудок, в силу чего в некоторых языках, например французском, слова со значением «разум» и «рассудок» взаимосвязаны (фр. *raison – raisonnement*). Со времен Античности разум является предметом осмысления философии [6.76–79].

Действие разума, как осмысления всеобщего, теснейшим образом связано с человеческой речью (языком), которая закрепляет за одним знаком неопределенное множество действительных и возможных (прошедших, настоящих и будущих) явлений, подобных или однородных между собой. Если рассматривать языковой знак в его целости, нераздельно с тем, что им выражается, то можно признать, что действительная сущность разумного мышления выражается в словах, из которых рассудочный анализ выделяет его различные формы, элементы и законы.

Разум и божество правят в древней философии, после того как Аристотель (определивший Божество как самомышление – $\tau\eta\varsigma\ \nu\omicron\iota\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \nu\omicron\iota\sigma\iota\varsigma$) и стоики (учившие о мировом разуме) признали за разумным мышлением абсолютную ценность. Скептическая реакция разрешилась в неоплатонизме, ставившем разум и умственную деятельность на второй план и признававшим высшее значение со стороны объективного – за сверхразумным благом или безразличным единством, а со стороны субъекта – за умоисступленным восторгом ($\acute{\epsilon}\chi\sigma\tau\alpha\iota\varsigma$). Более определенное и умеренное выражение такая точка зрения получила в общепризнанном средневековом различении (схоластике) между разумом как светом естественным

(lux naturae) и высшим божественным, или благодатным просвещением (illuminatio divina s. lux gratiae) [5.81].

Знание означает разумное совершение действия, а разум – способность осмысления всего осязаемого. Коран призывает во всех делах использовать разум и резко критикует тех, кто этого не делает. В Коране слова, связанные с разумом, встречаются 50 раз, а словосочетание «обладатели разума» – более 10 раз, что свидетельствует о том, что в Коране разуму уделено большое внимание.

Коран считает разум великой (большой) милостью. *«Поистине, в этом – действительно знамения для людей, кто разумеет»* («Раъд», 4). *«Действительно, разъяснили Мы знамения для людей, что убеждаются»* («Баккара», 118). *«Поистине, худшие из животных перед Аллахом – глухие, немые, которые не разумеют»* («Анфал», 22). *«Или считаешь, что поистине большинство их слушатели разумеют? Они – ни что иное, как скоты! Нет, они больше заблуждены с пути»* («Фуркан», 44). Еще один аят напоминает, что не использование разума станет причиной тяжелых мучений в загробном мире: *«И скажут: “Если бы мы слушались или разумели, не были бы среди обитателей Огня”»* («Мулк», 10). Все это показывает, насколько высоко ценится разум в исламе.

Наука призывает к вере. Некоторые склонны думать, будто образованный человек, ученый – обязательно неверующий, и чем больше у человека знаний, тем сильнее у него отрицание религии. В действительности же наука сама по себе никогда не вела своих представителей к безверию. Настоящий ученый в ходе своих научных исследований все больше убеждается в безграничности мира и в то же время в удивительной организованности миропорядка, где нет ничего случайного, хаотичного, бессмысленного. Осмысление этого в конечном итоге не может не привести к вере во Всевышнего.

Специалист из Германии Динард, изучив мнения 282 ученых с мировым именем, внесших большой вклад в развитие культуры человечества, получил следующие результаты: 20 человек из 282 не пришли к определенным религиозным убеждениям, 242 стали верить в Бога и лишь 20 человек выразили отсутствие у них интереса к религии [4.56–71]. Если тех, кто не проявил интереса к религии, назовем атеистами, то 92% из 282 всемирно известных ученых оказались верующими и лишь сравнительно незначительная часть – атеистами, причем последние не высказывали никакой агрессивности по отношению к религиозным убеждениям коллег, уважая их право на инакомыслие. Это, как и многие другие факты,

доказывает, что религия и наука – явления, вовсе не противостоящие друг другу, и следовательно, вполне можно быть естествоиспытателем и верить в Бога. Как видно, неудивительно, что ученый может быть верующим человеком, к тому же наука и религия – вовсе не противоречащие явления.

Великий микробиолог Луи Пастер писал: «Вера никогда не тормозила прогресс. Ибо всякий прогресс открывает те чудеса, которые заложены в Божьем создании. Если у меня сегодня стало больше знания, чем вчера, то это значит, что по сравнению со вчерашним днем упрочилась и моя вера в Господа».

Как и многие другие семантические категории, ислам, духовность, доброта включают в себя лингвокультуры антонимического содержания: безбожие, бездуховность и др. В этот семантический ряд входит большое количество подклассов более конкретного характера, например религиозные народные праздники, обычаи, нравы, наименования духовных лиц и т.п. Данный семантический ряд определяет главную черту узбекской национальной личности, которая тесно взаимодействует с другими иерархически подчиненными номинациями и как бы обтекает важнейшие классы лингвокультуры с их конкретным наполнением, включая антонимические названия, и нейтрализуется противоположными ей реалиями антонимического характера.

Литература

1. Имом ал-Бухорий (194–256\810–870) «Ал-жомеъ ас-сахих». В 4 т. Ташкент, 1991–1994.
2. Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Иман. Ислам. Коран. Ташкент, 2012. С. 410.
3. Перевод Корана. Часть 1. Репринтное воспроизведение по изданию: Казань. Центральная типография. 1907 год. Перевод с арабского Саблукова Г.С. 5.5. Перевод Корана. Часть 11. Репринтное воспроизведение по изданию: Казань. Центральная типография. 1907 год. Перевод с арабского Саблукова Г.С. М. – Л., 1990.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
5. Равшанов Махмуд. Features of Koran ayaats meaning // Мир науки. Издательство «Мир науки», 2013. № 1 (1). С. 16.
6. Равшанов М.Р. Семиотико-онтологические особенности текстов «Корана» // Вестник образования и науки. Педагогика. Психология. Медицина. 2012. № 1 (3). С. 74–81.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

Мухамедова С.Ф.,

соискатель

(Институт истории Академии наук

Республики Узбекистан)

**РОЛЬ МУСЫ САИДЖАНОВА
В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ФИНАНСОВОЙ ЖИЗНИ БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. В данной статье освещена роль просветителя Мусы Саиджанова в улучшении социально-экономической и финансовой жизни Бухарской Народной Советской Республики. Рассматриваются проблемные вопросы межгосударственного товарооборота, торговые отношения БНСР с Россией.

Ключевые слова: джадидизм; Туркестан; Бухарская Народная Советская Республика; Муса Саиджанов.

В конце XIX – начале XX в. в Центральной Азии появилось новое общественно-политическое, национально-патриотическое и демократическое движение джадидов. Термин «джадид» происходит от арабского «усул-и-джадид» (новый метод). Большое идейное влияние на движение джадидов оказал видный крымско-татарский реформист, основоположник джадидского движения среди тюркских народов Российской империи Исмаил Гаспринский (1851–1914).

Главной целью джадидов Центральной Азии было обретение независимости. При этом они были противниками каких-либо насильственных действий и крупных социальных потрясений. Достижение своей главной цели они видели через рост национального самосознания и духовного пробуждения народов Центральной Азии.

Туркестанских джадидов возглавляли Махмудходжа Бехбуди, Абдукадыр Шакури, Мунавваркари Абдурашидханов, Абдулла Авлони и десятки других просветителей. В целях социально-культурного развития Средней Азии в новом направлении джадидские лидеры предложили ряд реформ в области образования, историографии, литературы, религии, искусства. Они выступали с идеями переоценки и усовершенствования всех сторон жизни – этики, веры, правосудия, здравоохранения, улучшение положения женщин. Это движение объединяло представителей различных

слоев общества, которые различались по социальной принадлежности и по взглядам на отдельные проблемы. Но общим для джадидов Туркестана было то, что они выступали носителями идей независимости. Бухарский джадидизм отличался тем, что он внес требования снизить налоговое бремя для крестьян и мелких торговцев, а также он постепенно преобразовался в тайное, довольно многочисленное общество, членами которого были представители самых широких слоев бухарского населения. Одним из лидеров бухарских джадидов был Муса Саиджанов.

В настоящее время одной из наименее изученных тем в исторической науке является жизнь и деятельность Мусы Саиджанова, одного из видных государственных деятелей Бухарской Народной Советской Республики, национального прогрессиста, историка и краеведа.

Его биография насыщена событиями, поскольку наряду с участием в движении национальных прогрессистов Бухары он занимался и научной работой, которая заслуживает особого внимания. Почти неизученной страницей жизни Мусы Саиджанова остается его деятельность в сфере развития экономики БНСР.

После свержения власти эмира в августе-сентябре 1920 г. в Бухаре был установлен республиканский строй, возглавляемый джадидами под руководством Файзуллы Ходжаева. В одном из 11 назиратов нового правительства начал работать и Муса Саиджанов, который впоследствии, до ликвидации республики, возглавил работу нескольких назиратов. Его умение самоотверженно трудиться снискало уважение и доверие соратников, и он последовательно занимал такие ответственные должности, как заместитель Назирата экономики, председатель Чрезвычайной комиссии, назир финансов и назир просвещения. Назначенному на должность заместителя назира экономики в 1921 г. М. Саиджанову было поручено осуществить перепись и хранение государственного имущества. На первом собрании Назирата, состоявшемся 13 мая 1921 г., на Саиджанова была возложена ответственность за регистрацию и сохранение ценного материального достояния республики (каракулевы шкурки, хлопок, шерсть, шелк-сырец и др.). М. Саиджанов был наделен полномочиями принимать неотложные меры, направленные на вывод экономики из сложной ситуации. В связи с этим подчеркивалась необходимость предоставления время от времени сведений совету Назирата экономики относительно мер, предпринимаемых в данном направлении.

В конце XIX – начале XX в. в Средней Азии были налажены экономические отношения с Россией в плане производства сырья и продовольственной продукции. В этот период произошло заметное ускорение процесса развития международной торговли и товарообмена. По мнению исследователя М. Ачилова, руководство БНСР сумело стабилизировать за короткие сроки пошатнувшуюся экономику республики и, не ограничившись этим, установило экономические отношения с западными и восточными странами, получая существенную выгоду от торговых связей.

В архивных документах содержатся сведения о товарообмене между БНСР и московской «Потребительской Коммуной». Согласно данным, Назират экономики, во главе которого стоял М. Саиджанов, в течение 15 дней в июне 1921 г. должен был отправить в Москву 20 вагонов, а в июле 25 вагонов зерна. Из Москвы же в Бухару в установленном порядке и объеме должны были быть незамедлительно доставлены мануфактурные товары. Задача по осуществлению расчетов за межгосударственный товарообмен была поручена заместителю назира экономики М. Саиджанову Файзуллою Ходжаевым, возглавлявшим в то время правительство республики.

26 июня 1921 г. состоялось очередное собрание Назирата экономики, на котором Саиджанов выступил по поводу вывоза продукции на территорию России. Судя по данным из архивных документов, на собрании рассматривался вопрос составления договора о поставках 500 тыс. пудов хлеба (под «хлебом» в документах подразумевалась зерновая пшеница. – С. М.) для нужд населения республики. На этом собрании под председательством М. Саиджанова были определены важные меры по обеспечению населения края хлебом и зерновой продукцией. М. Саиджанов позже писал, что в газете «Экономическая жизнь» от 23 марта 1921 г. была опубликована статья «Русия и Бухара» А. Введенского, являвшегося заместителем начальника политического агентства бывшей империи в Бухаре. А. Введенский в своей статье сфальсифицировал данные, подтверждающие существовавшее на то время мнение о якобы чрезмерной заинтересованности населения Бухары товарообменом между двумя странами. Таким образом, он пытался обосновать свои высказывания о том, что БНСР получает от этого процесса огромную экономическую выгоду. На это М. Саиджанов опубликовал большую ответную статью в газете «Бухороахбори» (3 июля 1921 г.). Данная статья, озаглавленная как «Экономика: подсчеты, далекие от действительности», явля-

лась своего рода опровержением фактов, представленных Введенским. В ней приводились реальные цены товаров, продаваемых на базарах Бухары, себестоимость продукции, рыночная стоимость, получаемая прибыль, а также конкретные показатели цен товаров, предназначенных для приобретения Россией. Эта публикация Саиджанова показала, что в руководстве БНСР имеются грамотные специалисты, способные осуществить всесторонний анализ вопросов экономики, умеющие открыто выразить протест, когда идет речь об интересах народа и государства.

На М. Саиджанова была возложена ответственность осуществлять управление финансами республики и принятие мер по стабилизации экономики. М. Саиджанов, выступив с инициативой повторного реформирования финансовой системы, стремился изучить налоговую систему, являющуюся основным источником пополнения государственной казны. Обнаружив ряд несоответствий в государственной налоговой системе и деятельности Назирата финансов, он выступил с докладом о состоянии бюджета республики на III Всебухарском курултае народных представителей, который состоялся 18 августа 1922 г. Как известно, еще на II Всебухарском курултае народных представителей (23 сентября 1921 г.) была принята Конституция БНСР, которая провозгласила равноправие граждан и свободы. В соответствии с ней высшим органом БНСР становился Всебухарский курултай народных представителей, состоявший из 350 членов, т.е. по одному представителю на каждые 2000 избирателей. Курултай созывался раз в году, на нем предполагалось рассматривать такие важные вопросы, как внесение поправок в Конституцию республики, отчет правительства и утверждение государственного бюджета. Из доклада Мусы Саиджанова, посвященного экономическому и финансовому состоянию в Бухаре, явствовало, что единого механизма формирования государственной казначейской системы не существует. В казну поступали средства, состоявшие из различных традиционных налоговых сборов, взимаемых с населения еще с прежних времен. Данные налоговые сборы осуществлялись местными бекствами. При этом с беднейших слоев населения налоги взимались в большем объеме, чем должно, а в казну эмира поступала лишь одна часть от них. Во времена эмирата точной статистики в этом плане не велось.

Рассматривая деятельность Мусы Саиджанова, мы видим его весомый вклад в изучение состояния дел в этой сфере в указанный период, а также в политику оздоровления финансовой системы БНСР. Так, в своем докладе на III Всебухарском курултае он,

проанализировав положение дел и обозначив задачи, которые предстоит осуществить, выдвинул конкретно обоснованные концептуальные идеи. Предложения Мусы Саиджанова касались разработки правовых основ и четко отлаженного механизма формирования государственной казны, а также системной организации мероприятий в этом направлении. Вместе с тем, акцентируя внимание на финансовой ситуации в Бухаре до установления республиканского строя, он прямо указал на растрату бекствами средств, собираемых в казну государства. По утверждению М. Саиджанова, во времена эмирата население даже не интересовалось тем, как расходуются взимаемые с народа средства. Это, в свою очередь, объясняется незнанием населением своих прав. Поскольку в Бухаре не имелось опыта формирования государственного бюджета, обнищание населения достигло предела. В своих исследованиях М. Ачилов отмечает тот факт, что с установлением в Бухаре республиканской власти различные налоги и сборы, действовавшие во времена эмирата, были отменены.

В «Законе о государственных налогах в БНСР», принятом Всебухарским ЦИКом 26 ноября 1921 г., нашла отражение налоговая политика нового правительства. Этот закон отменил действовавшие в крае до сих пор продуктовый и денежный налоги, которые взимались с центральных и местных предприятий. Однако с 1 января 1922 г. было введено пять видов налогов: 1) налог «ушр» (ушур) в объеме 1/10 части урожая; 2) налог на скот «закят» («закятисавоми») на 1/40 часть поголовья скота; 3) налог с ремесленных мастерских; 4) таможенный налог для торговцев; 5) специальный налог за патент, составление различных документов и договоров.

В своем выступлении на курултае М. Саиджанов критически обозначил некоторые причины хаоса, который царил в финансовой сфере БНСР вплоть до августа 1922 г. Среди них:

– безответственность при выполнении своих служебных обязанностей, допускаемая почти всеми назиратами (не уделяется должного внимания экономии и рациональному использованию государственных средств);

– назиратами и другими учреждениями не предпринимаются меры по изысканию дополнительных средств для пополнения государственного бюджета;

– отсутствие отдела статистики – одного из важных органов, составляющих правительство, – показывает несовершенство финансовой системы республики.

В целях преодоления имеющихся проблем М. Саиджанов предложил составить первичный реестр доходов и расходов, выразив свою твердую уверенность в том, что эта мера позволит упорядочить финансовую сферу республики, вести точный учет взимаемых налогов и в целом реально оценивать состояние экономики и финансов. По сведениям М. Саиджанова, единицей денежного обращения в Бухаре была таньга. В своем исследовании М. Ачиллов отмечает, что первой национальной валютой БНСР являлась серебряная таньга (нукратанга), которую начали чеканить с середины сентября 1920 г., а вскоре появились изготовленные вручную бумажные деньги номиналом в 50, 100, 200, 500 и т.д. рублей. Впоследствии были изготовлены новые шаблоны для печатания денежных купюр. Однако и позднее в Бухаре продолжали оставаться в обращении золотые и серебряные монеты. Из этого следует, что, несмотря на нахождение в обороте бумажных денег, в Бухаре продолжала действовать традиционная национальная валюта – золотые и серебряные монеты.

М. Саиджанов отмечал, что народные назирь больше заинтересованы в расходовании бюджетных средств, нежели стараются изыскать пути их пополнения. Правительство нуждается в специалистах, которые хорошо разбирались в законности взимания видов налогов, а также в их расходовании согласно законам шариата и права. Для решения этих вопросов в законном порядке и упорядочения всей системы созрела необходимость в принятии специального закона. Говоря о законе, М. Саиджанов имел в виду, что он должен служить для обеспечения единого установленного порядка в финансовой системе, включая в себя реестр доходов и расходов, а также составление сметы. В связи с этим хотелось бы процитировать его слова: «...предлагаемую к утверждению курултаем Бюджетную роспись Правительство считает первым опытом ориентировочного бюджета как схематическую основу для подхода к более точному бюджету в течение двух ближайших бюджетных периодов». Далее: «...по утверждению настоящей росписи, Правительство в лице Верховного Госконтроля и Финансового Управления должно считать первейшей своей задачей неукоснительно провести эту роспись в жизнь. Эта роспись должна стать железным законом норм в порядке утвержденных смет и кредитов в доходно-расходной частях. Суровую ответственность перед трудовым народом понесут те руководители ведомств и распорядители кредитами, которые посягнут перейти черту, проведенную росписью. Все должны помнить, что сознательная и

разумная экономика средств послужит залогом, что наш Бухарский трудовой народ будет сыт, обут и шаг за шагом наверняка приобщится к благам мировой культуры».

М. Саиджановым были высказаны обоснованные требования и предложения по реформированию финансовой системы республики. Он категорически настаивал на том, что необходимо вести строгий учет прибылей и не допускать их растраты в интересах назиратов и учреждений, накапливать заработанные денежные средства в кассах государственных финансовых учреждений, а также контролировать их отчетность.

Таким образом, были приняты требования и предложения Мусы Саиджанова по формированию и совершенствованию бюджета республики. Обстоятельные ответы Мусы Саиджанова на вопросы, заданные ему Файзуллой Ходжаевым и Абдул Маджидовым, возглавлявшим правительство и проведение курултая, наглядно показали важные грани его личности – талантливого финансиста и экономиста.

После доклада Мусы Саиджанова в Бухаре были предприняты меры по дальнейшему совершенствованию экономической системы. Так, исследования показывают, что в процессе экономических реформ в БНСР стали происходить положительные перемены, в результате которых постепенно снижались налоги, взимаемые с населения, отдельные слои общества даже были полностью освобождены от их уплаты, а значит, предпринятые правительством действия оказались эффективными.

В документах имеются сведения о том, что М. Саиджанов принимал участие в III Конгрессе востоковедов, который проходил в Москве с 22 июня по 16 июля 1921 г., представляя на нем БНСР. Целью его участия в конгрессе являлось налаживание связей с учеными-востоковедами России для дальнейшего сотрудничества. Несмотря на свою загруженность государственными делами, М. Саиджанов проявлял огромный интерес к истории своего края, к сохранению исторического достояния народа – памятников старины.

В целом во время своей деятельности в составе правительства БНСР М. Саиджанов внес большой вклад в развитие социально-экономической жизни и в сферу культуры края. Он был одним из тех, благодаря кому произошли заметные сдвиги в стабилизации финансовой системы Бухары. Его деятельность в качестве одного из видных представителей правительства ярко проявилась в сложнейший период для республики, в его поисках пути, чтобы под-

нять экономику и финансовую систему, стремясь изменить ситуацию к лучшему. Высокообразованный интеллигент, многогранная личность, человек с активной жизненной позицией, опытный практик, Муса Саиджанов остался в истории Бухары как государственный деятель (1920–1924), вся энергия, знания и устремления которого были направлены на процветание края.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2018 – 2 (308)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 14/VI-2018 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 6,5 Уч.-изд. л. 6,0
Тираж 250 экз. (1 – 100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 68

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9